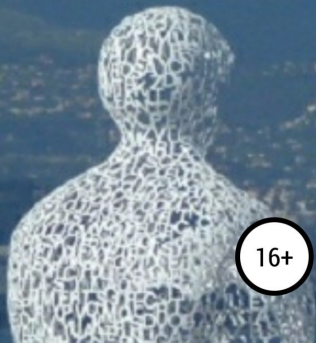

ЮРИЙ ГОРЮНОВ

Z E R O

КОЛЬЦА
АНАКОНДЫ

16+

Юрий Горюнов

Zero. Кольца анаконды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39415600

SelfPub; 2018

Аннотация

Я сразу заметил машину, идущую за мной, как только отъехал от офиса. То, что они не особо скрывались, говорило о том, что в их намерения не входила скрытность. Что это? Психологическое давление? Вряд ли. Вероятнее всего им нужно было нечто иное. Действие происходит в США. Книга 3 из серии Zero.

ZERO

«Кольца Анаконды»

1

Я заметил машину, идущую за мной сразу, как только отъехал от офиса. То, что они не особо скрывались, говорило о том, что в их намерения не входила скрытность. Что это? Психологическое давление? Вряд ли. Вероятнее всего им нужно было нечто иное. Останавливать меня в пути они не будут, но очевидно, что идут на контакт, а значит надо сначала понять, куда я еду. Бежевый «Форд» держал достаточное расстояние, чтобы не выпустить меня из поля зрения, но и не ехал, уткнувшись в бампер моей машины, что было бы просто наглостью. Что им было нужно, я скоро узнаю. Куда я ехал, они не знали, а план у меня был один – я ехал домой.

Не мудрствуя лукаво, я, соблюдая правила движения, не стремясь оторваться, направлялся к дому. Отрываться от слежки для меня глупо, зачем показывать свои профессиональные навыки, этого я себе позволить не мог, как сейчас, так и вообще.

Когда я припарковал машину около дома, где снимал квартиру, то бежевый «Форд» остановился почти позади меня. Делая вид, что ничего интересного для меня нет, я вышел из машины и направился к подъезду.

– Мистер Марше! – услышал я за спиной.

Я обернулся и увидел, что от «Форда» ко мне направля-

ется мужчина: среднего роста, короткие светлые волосы, серый пиджак, темная рубашка и темные брюки. Я остановился, а он, подойдя ко мне, переспросил:

– Я не ошибся? Вы Жан Марше?

– Да, это я, – ответил я спокойно, в ожидании продолжения.

Взгляд его серых глаз был пронзительный; он изучал меня. Я обратил внимание, что второй мужчина вышел из машины со стороны водителя, но остался возле открытой двери. Кто они, для меня не представляло труда понять, я не знал только из какого они ведомства, ну, да сейчас, все это разрешится.

– Я агент ФБР, управление национальной безопасности, Эрик Джонсон, – и он предъявил мне удостоверение, не выпуская, разумеется, его из рук. – А это мой коллега, кивнул он в сторону стоящего возле машины мужчину, – Барри Кинг. Мы бы хотели с вами побеседовать.

– Хотели бы, звучит неопределенно, – возразил я. – Вроде бы хотим, но в, тоже время, можно и обойтись. Так хотели бы или хотите? – уточнил я.

– Хотим.

– Вы думаете, что мне это доставит удовольствие?

– Это доставит удовольствие нам.

– Так может быть вам лучше сходить в кино или посидеть в баре, найдя более интересного собеседника? – усмехнулся я. Я умышленно задал этот вопрос, чтобы проверить их отно-

шение: жесткое или в общем лояльное. От этого следовало отталкиваться, чтобы строить свою манеру разговора.

– Я принял к сведению ваше предложение, но в следующий раз воспользуюсь. Понимаю ваш юмор, но не сейчас. Не надо так.

Его манера ведения разговора, да и сам его вид не были грубыми, что свидетельствовало о спокойствии, а значит, не предвещало неприятных сюрпризов. Я оглянулся; улица была почти пустынна, лишь изредка по ней проезжали машины. Это была обычная жилая улица без офисных зданий. Дома стояли ровными рядами. Вдоль тротуаров высажены деревья, и вдоль улицы стояли припаркованные машины. Рабочий день закончился, служащие, а это был район, где жили люди с достатком выше среднего, либо уже вернулись домой, либо задерживались в баре. Сумерки еще не опустились, и солнце стояло над горизонтом.

Взглянув на подъезд дома, куда я первоначально направлялся, я вздохнул, словно с досадой от помехи и спросил:

– А как надо?

– Согласиться. Это не займет много времени.

– Хотелось бы верить, у меня много работы.

– Даже не сомневаюсь.

– Глупо было бы, – улыбнулся я ему дружелюбно.

– Это вы о чем?

– Если такое ведомство проявляет ко мне интерес, то прежде чем предложить беседу, должно проверить меня.

Все, что я говорил, я знал и так. Следили за мной не впервые, правда до этого не высывались, да и не было это регулярно. Отрывался я от них несколько раз, но все было так, что они меня «случайно» теряли, я не давал им повода заподозрить меня в умении обнаруживать слежку, а тем более умения отнее уходить, а потерять человека в большом городе, могут и профессионалы, если не наступают на ноги. Так что повода заподозрить меня я им не давал. Моя официальная работа не была близка к их системе, хотя предусматривала интерес. Конечно, было не очень хорошо, что я попал в их поле зрения, но это было неизбежно, а иначе все, что я делал, было бы напрасно. Я ждал, когда они проявятся. Но об этом еще поразмышляю потом, – решил я, да и выхода другого не было.

– Именно так. Так что едем?– уточнил Эрик.

– Я думаю, что особого выбора у меня нет. Я имею ввиду, чтобы не ухудшать отношения с государственными органами. Где вы предлагаете побеседовать? К себе не приглашаю, да и что-то мне подсказывает, что вы не намерены осматривать мою квартиру.

– Это и не надо. Предлагаем у нас в офисе, это не далеко.

– Что, в штаб квартире?

– Найдутся и другие места, – улыбнулся он. – Америка большая страна.

Он явно обладал чувством юмора, но это не значило, что он был ко мне дружески расположен. У людей обладающих

чувством юмора, есть мозги, и прямолинейность не их стиль, только когда это надо применить.

– Ну, что же, поедем.

Я еще раз притворно вздохнул, взглянул на подъезд дома, давая понять, что меня отвлекли от важного дела, и направился к их машине. Эрик открыл заднюю дверь, и когда я сел, разместился рядом. Его напарник сел за руль и мы отъехали. Вечер предстоял занимательный. На первом перекрестке мы свернули направо и чуть попетляв по улицам, минут через десять подъехали к неприметному трехэтажному зданию. Это не было здание из стекла и бетона, но явно не было и жилым. Значит один из многих «тихий» офисов их конторы, решил я.

Эрик открыл английский замок входной двери, и мы вошли: я за Эриком, а следом за мной Барри, поднялись на второй этаж, свернули налево и прошли мимо нескольких дверей, расположенных по обе стороны коридора, прежде чем Эрик остановился у двери без номера и, достав ключи, открыл ее. Это был скромный офис. Кабинет был метров двадцать. Окна были закрыты жалюзи. У окна, напротив входной двери, стоял стол, на котором кроме телефона ничего не было; у левой стены небольшой сейф на столике; у правой закрытый шкаф, а напротив шкафа, рядом с сейфом, диван. Эрик включил лампу под потолком и, пройдя к столу, обогнул его, разместившись в кресле спиной к окну, предложив мне сесть на стул напротив. Барри разместился на диване.

– Пить хотите? – предложил Эрик.

– Нет, спасибо.

Он достал из ящика стола бутылку воды, стакан, налил в него и отпил, а затем все убрал обратно. Педантично и ничего лишнего, отметил я. Он взглянул на меня и спросил:

– А вас не удивляет, что мы проявили к вам интерес?

– Это уже началась беседа?

– Он кивнул головой: – Считайте вступлением.

– Нет, не удивляет.

Зато удивился он: – Поясните, почему?

– Я уже много где бывал и почти везде, а уж в вашей стране, я обязательно попадаю в поле зрения спецслужб. Что делать, специфика работы.

– Какой?

– Я думаю, вы знаете, но если для вас так важно это услышать от меня, то чем я занимаюсь, всегда будет интересовать спецслужбы. Но я не обращаю на это внимания. Вероятнее всего за мной уже присматривали, иначе вы бы не появились. Если это просто любопытство, то я против данного вопроса. Задавайте следующий.

– Почему не хотите ответить на него?

– Не хочу развивать у вас дурные привычки задавать вопросы, ответы на которые мы оба знаем.

Он улыбнулся: – Ну что же, тогда следующий вопрос. Пусть он покажется формальным, но постарайтесь ответить. Как давно вы знакомы с вашим партнером Майклом Сто-

уном?

– Около года.

– А где познакомились?

– На одном из семинаров в Европе. У нас установились хорошие отношения, которые переросли в совместный бизнес. С ним что-то не так?

– С кем?

– С бизнесом конечно, с Майклом я думаю все в порядке.

– Пока так, – ответил Эрик уклончиво. – У вашей совместной компании APEF (Agency of political and economic forecasting – агентство политического и экономического прогнозирования) достаточно хорошая репутация и многочисленные связи, знакомства. Достаточно громкое название.

– Потому и есть эти знакомства, так как репутация хорошая. Глупо было бы иначе. А название должно быть звучным, но и простым на слух. А что называться «Стоун и компаньон»? Никто тогда не поймет, чем мы занимаемся, а так сразу все понятно.

Я знал, что говорил. У нас действительно были хорошие связи в бизнес кругах и государственных учреждениях. Им это было известно, и давить на меня они чуть опасались.

– Скажите, вот вы бываете в компании «Метроном», насколько она важна для вашего бизнеса?

Не очень долго он шел к этому вопросу, но я внимательно слушал его, не выпуская из вида лица, стараясь понять значимость вопроса.

– Вообще о вопросах бизнеса не принято рассказывать. Есть коммерческая тайна, но могу сказать, что она не является основной в нашем деле, от нее не плохой доход, но не все завязано на нее, а люди там, как и везде в этой области интересные.

– Вы встречались с кем-либо вне работы? Я имею ввиду сотрудников компании «Метроном».

– У меня не плохие отношения с некоторыми сотрудниками, но они не переходят в разряд дружбы, но встречаюсь и вне работы.

– И о чем ваши беседы?

Я засмеялся: – Вы сотрудники серьезного ведомства. Это только в кино и книжках отвечающий сообщает, о чем он говорил такого-то числа в такое-то время. Обычный человек это не запоминает сидя за стаканом вина или пива. Зачем держать словесный мусор в голове? Задавали ли вы этот вопрос тем, с кем я общался, не спрашиваю, так как подозреваю, что ответа не услышу. Что касается встреч, то разговаривали о чем угодно: о жизни, о ценах, работы касались иногда. Вы же знаете, что я занимаюсь стратегическим прогнозированием. «Метроном» вышел на нас, я иногда консультирую их. Нормально, что я немного ближе познакомился с некоторыми сотрудниками, что позволяет нам встречаться вне работы.

– Вы знаете, чем занимается компания в целом?

– Наивный вопрос. Если я ней сотрудничаю, то конечно я

должен знать круг ее работы. Глупо меня приглашать по вопросу ремонта станков или архитектурных проектов. Кто их заказчик я не спрашиваю, хотя иногда они сообщают. Они же решают вопросы комплексно, и одним из направлений у них является прогнозирование. Это можно понять из характера задаваемых вопросов. Иногда это простоданные без указания организации.

– А вы сами не пытались узнать более точно об их заказчиках?

– Если они считают возможным, то говорят, но и я не любитель, и понимаю, что заказчиками бывают как крупные предприятия, так и государственные учреждения. Но я не интересуюсь, если меня не посвящают.

– Вериться с трудом.

– Это ваши сложности.

– Раз вы занимаетесь прогнозированием, то должны уметь анализировать, иначе как же строить прогнозы, без упора на факты, события. Характер даваемой вам информации может сказать о многом.

– Не верьте, но пытаться узнать, откуда пришел заказ не собираюсь, а своими догадками делиться не собираюсь. Я не собираюсь отвечать ни за вашу доверчивость, ни за вашу подозрительность. Это от меня не зависит. Так что ничем не могу помочь.

Мне было интересно, что им известно. Наверняка кто-то из тех, с кем я встречался, рассказали о темах наших разго-

воров. – Что касается оснований для раздумий, то конечно, вы правы, – продолжал я, так как давать им зерна сомнений не стоило. – Мне иногда задают вопросы чисто гипотетические. Типа, а как вы думаете, как будут развиваться события, если и так далее...

– Но вы можете в дальнейшем представить, о чем шла речь, получив данные из официальных источников.

– Конечно, иначе я бы не стоил тех денег, что мне платят. Я читаю газеты, смотрю телевидение и могу, и должен думать. Но мы говорим пока в общем. Вас, очевидно, интересует что-то более конкретное?

Эрик взглянул на коллегу, лица которого я не видел, он сидел чуть левее меня, а поворачиваться, чтобы увидеть его мимику, я счел ненужным, чтобы не проявлять излишнего любопытства. Помолчав, Эрик произнес:

– Нас интересуют некоторые вопросы, что вы обсуждаете и, конечно, сотрудники с кем вы общаетесь вне работы.

– Что вас интересует?

– Что может интересовать наше ведомство? Нет ли утечки информации, что может представлять угрозу стране, или возможна ли она.

Ну, да, так я и поверил, что с таким вопросом ты будешь обращаться ко мне, но что же играем дальше.

– Вы это серьезно! Это вы предлагает мне –иностранцу!

– Мы сотрудничаем с людьми из разных стран. Национальность не имеет значения.

– Вы обратились не к тому человеку.

– Вы ошибаетесь. Вы специалист, у вас свой взгляд, к тому же европеец.

– Вот оно что! Вас Европа интересует, но повторяю, не по адресу. Я не играю в эти игры.

– Это не игра. У вас виза на год?

– Пока, да.

– А если возникнут проблемы?

– Угрожаете?

– Чтovy! Так, рассуждаю, чем можем быть полезны друг другу.

– Мне это зачем? Ваши действия прогнозируемы. Вы можете ограничить меня в бизнесе, хотя не рекомендую, есть те, кто заинтересован в моих консультациях, так что кто этого потеряет больше, еще вопрос. Поверьте, я не сильно обеднею. Мне одному много не надо для жизни. Вы можете просить меня уехать, так США не единственная страна на Земле, да и на каком основании?

– Основания можно найти.

– Не сомневаюсь, только зачем? Это будет выглядеть как детская мстительность. Вы от этого получите только моральное удовлетворение. Не думаю, что вы на это пойдете, не вижу смысла, да и суть нашей встречи другая.

Они пытались меня чуть припугнуть, хотя сами не верили в это, но так положено. Пора было подтолкнуть их к истинному интересу.

– А вы смело говорите, – подал голос Барри. Я повернул голову: – Мне нечего бояться за себя, и не за кого.

– Поделитесь своим мнением о цели встречи? – попросил он.

Было понятно, что главный здесь – Барри. Его молчаливое участие давало ему возможность слушать, анализировать мои ответы, наблюдать за мной.

– Раз вы признаете, что я специалист, то поделюсь, – согласился я. – Видимо что-то происходит в компании, если она попала в поле вашего зрения, раз разговор сводится к «Метроному», хотя я общаюсь с людьми их других компаний. Ясно, что она имеет отношение к различным организациям, в том числе и государственным. Возможно, есть заказы и от правительства. И вот это что-то заставило вас проявить интерес к ней. Вероятно, вы просеиваете всех, кто касается этой компании, или ее отдельных тематик, особенно людей извне, а уж если иностранец, тем более. Поэтому ваше предложение поговорить о сотрудниках, рассматриваю как вброс на всякий случай, посмотреть, как я себя поведу. Вы профессионалы и вероятность моего ответа была вами проработана, так что вероятнее всего это попытка посмотреть на мою реакцию.

Барри засмеялся и, встав с дивана, подошел к столу, присел на его краешек, по другую сторону от меня.

– Вы действительно умеете анализировать. А как ваш прогноз относительно дальнейших наших действий?

– Я не буду прогнозировать, у меня нет данных. Если вы имеете ввиду лично меня, то варианты разные: будете при-
сматривать за мной, выясняя на всякий случай с кем и о чем
я говорю, либо оставите в покое, хотя последнее маловеро-
ятно, во всяком до тех пор, пока вы не решите свою задачу.

Я говорил им то, чтоони хотели услышать, а вернее до-
гадывались. Нельзя недооценивать сотрудников ФБР, там
глупцов не держат. Их некоторая прямолинейность была
умышленной, а я не скрывал своего мнения. Им надо было
«прощупать» меня, поговорить со мной. Наверняка наш раз-
говор записывается, а потом аналитики будут не раз прослу-
шивая, выискивать мои возможные промахи. Но дело было
в том, что я ожидал их появления, а вот этого они не знали.
Они и я были профессионалами на одном поле, но я о них
знал, а они обо мне только то, что я мог им позволить. Но
свои дальнейшие размышления я оставляю на потом, когда
буду один.

– Есть еще ко мне надуманные вопросы? – обратился я к
Барри.

Он встал: – Пока нет, но возможно будут.

Я тоже поднялся: – Ну, что же. Если что не надо, обра-
щайтесь.

Оба засмеялись, поняв смысл сказанного мной.

– Вы, наверное, действительно не плохой специалист, –
сказал Эрик.

– Хочется верить, что один из лучших. Насколько я пони-

маю, беседа закончилась?

– Да. Не будем вас задерживать, – ответил Эрик. – Я надеюсь, вы понимаете, что о нашем разговоре никто не должен знать?

– Не получится.

– Почему? – удивился он искренне.

– Если это касается обеих сторон беседы, то вы точно нарушите, так как будете докладывать начальству.

– Я оценил ваш юмор.

– Не утруждайте себя предупреждением, мне не пойдет в плюс наша встреча, если об этом узнают. Общение с вами не всегда на пользу бизнесу. Не провожайте, дорогу обратно я найду.

Я попрощался, и, пройдя обратным маршрутом по коридору, вышел на улицу, открыв защелкивающийся замок наружной двери.

Встреча действительно была не продолжительной, и сумерки только опускались на город. Остановив такси, я отправился домой, так как идти даже в бар, значит показать, что я встревожен, хотя до этого направлялся домой, у меня же были дела. Поэтому, если и присматривают сейчас, то пусть знают, что я поехал домой, и я спокоен.

Войдя в квартиру, которую я арендовал уже несколько месяцев, бросил ключи на стол, прошел в комнату, и, взяв из бара бутылку виски, налили себе на четверть. Я не собирался снимать стресс, его не было, но захотелось посидеть со

стаканом в руке, обдумывая события.

Квартира у меня была уютной, в тихом спокойном районе и состояла из комнаты, спальни и подсобных помещений. Я любил сидеть в комнате, вот и сейчас я со стаканом расположился в глубоком кресле, включив торшер, мягкий свет от которого залил все вокруг. Было приятно сидеть в легком полумраке. Сумерки уже проникли сквозь окно, я встал, задернул шторы и вернулся в кресло.

Мое прошлое не сильно донимало меня, я научился приглушать его в своей памяти, а иначе мой мозг не выдержал бы избытка мыслей, но сегодня я решил посвятить вечер воспоминаниям, событиям, которые предшествовали этой встрече. Поудобнее расположившись в кресле, я вернулся в прошлое, восстанавливая цепочку событий.

2

Мое новое задание я получил более года назад, и оно изменило мою размеренную жизнь, если таковая вообще возможна при моей работе. Я некоторое время не был задействован, и вот по прошествии времени встретился со своим связным – Алексеем, одним из немногих, кто знал меня в лицо. Такова специфика моей работы – я был нелегал-одиночка. Если и работал с другими, то они, либо не видели моего истинного лица, приходилось гримироваться, либо не догадывались.

После того, как я увидел, объявление, которое шифром

сообщало, что для меня в тайнике оставлено сообщение, я извлек его и узнал, что со мной хотят увидеться, и назначил встречу в городке Антиб, что на юге Франции. В этом небольшом городке интересная скульптура одинокого человека, смотрящего на море, и этим своим одиночеством он похож на меня, среди людей, но в душе один.

Это был тот редкий случай, когда я встречался «лицом к лицу», исключения были, как в моей первой операции в Китае. Я избегал личных контактов, посольств, потому как могли привести за собой хвост, а уж работники посольств находятся всегда под жестким наблюдением спецслужб. Да и зачем? Я разведчик – нелегал, с большим стажем жизни за границей, официально не плохой бизнесмен: владел в прошлом дизайнерской студией, арт-салонем. Я много лет жил во Франции и был ее гражданином, и она стала мне как родной. На момент встречи у меня был уже другой бизнес и жил я в Испании, оставаясь гражданином Франции.

Был я все еще холостяком; по молодости не сложилось, а потом уже не хотел подставлять близких людей. Живя вместе надо доверять друг другу, особенно жизнь, а вот этого я и не мог. Я не мог подставить под удар тех, кто мне доверил свою жизнь. На родине у меня родственников не было, разве, что дальние, но для них я давно умер, якобы от несчастного случая во время несения службы; они даже не представляли, что я был ранен в одной из горячих точек Африки.

Как я тогда выжил? Не знаю, в чудеса я не верил и ве-

роятно только молодой организм и желание жить помогли мне. Вот после выздоровления, мне и предложили перейти на нелегальную работу. Выбор у меня тогда был, выбор есть всегда, надо суметь правильно его сделать: я мог вернуться и жить обычной гражданской жизнью, а смерть посчитали бы досадной ошибкой, но чтобы я там делал? Я уже не мог жить иначе, жизнью, которой живут большинство людей, да и возвращаться было не к кому. Родители мои погибли в авткатастрофе, когда я заканчивал школу, и лишь дядя, двоюродный брат отца, в то время сотрудник спецслужб, порекомендовал меня в училище. Сначала учился в одном, потом перевели в другое и готовили в любом случае на невидимую для чужих глаз работу.

После ранения я не возвращался на родину, ни разу. И даже дядя считал, что я погиб. Мое настоящее имя с тех пор больше нигде не упоминалось. А по жизни у меня было много имен. Я знал несколько языков, неплохо стрелял, а стрельбе «флэш» меня учил испанский террорист в Уругвае, который потом погиб. Постоянным у меня оставался только псевдоним «ZERO», который я выбрал, когда согласился на нелегальную работу разведчика. Почему «ZERO»? Меня уже давно нет, того, кем я родился, а если нет, то остается число ноль. Физически есть, а по документам нет, вот и выбрал – ZERO. Это число, без него не обойтись в жизни, но в тоже время, в его кажущейся пустой информации скрыто порой больше, чем, кажется.

До встречи с Алексеем я несколько лет был «законсервирован», меня окружили «мертвым» пространством. Все было сделано по совету Алексея, в предыдущую встречу. Решение принимал я сам, в Центре, не возражали, хотя это нон-сенс, когда сотрудник предлагает такое, но в этом был резон. В то время были провалы, потому что перебежчики сдавали нелегалов. Мне было легче, я не работал группой, обо мне даже в архивах было записано, что погиб, и лишь где-то лежала маленькая папочка, в которой было написано, кто я. А так все задания были по моему имени, что мне дали в училище Сергей Никандров. Под этим именем я учился. К этим архивам, как думаю, почти нет доступа, и раскрытию информация не подлежит, а учитывая, что я жил за границей уже более двадцати лет, то руководство мудро решило подстраховаться, так, на всякий случай. Там понимали, что как говорится «нет человека, которого нельзя купить, а если его нельзя купить, его можно продать». Вот чтобы не было торговли, и был я «законсервирован». Это дало мне некоторое время не светиться, а просто жить, но пришлось поменять сферу деятельности.

Менять имя не хотел. Мне в процессе выполнения заданий приходилось сталкиваться с английской разведкой МИ-6 и меня там знали под моим французским именем, так, что не хотелось столкнуться с кем-либо случайно, под другим именем. После принятия решения, я закрыл свой бизнес, чтобы раствориться. Тогда я вернулся в Париж, и мо-

рально готовился к тому, как известить своих сотрудников, что оставляю бизнес. Решение принял оптимальное.

Однажды я собрал всех на совещание и сообщил им:

– Мне очень жаль, но я оставляю этот бизнес.

Реакцией на мое сообщение было молчание и тишина. И я их понимал, дела шли неплохо, с чего бы вдруг.

– О причинах говорить не будем, вы здесь ни при чем. Я не хочу оставлять вас без работы и подыскивать нового хозяина, поэтому компанию разделяю на равные части и предлагаю вам ее выкупить. Чтобы не загонять вас в рамки финансового удушья, вы выплачиваете мне минимальный первоначальный взнос, а в дальнейшем будете перечислять средства на мой счет. Как только доля будет выплачена, каждый из вас вступает в полное владение своей долей. Заказы у компании есть, так что не пропадете. Вот такое мое решение.

– А все-таки хотелось бы знать причину? – поинтересовался мой заместитель.

– Я устал и хочу отойти от дел, а просто владеть и не работать глупо. Первое время я вообще планирую уехать, пока не знаю, чем буду заниматься потом, но подумаю. Была бы голова, а мысли придут.

– А салон?

– С ним тоже расстаюсь. Сейчас мне важно узнать ваше мнение по поводу моего предложения. Подумайте несколько дней, обсудите и скажите свое решение.

После этого я покинул офис. Такое же предложение я сде-

лал и Элен -моему директору салона. Она могла пригласить к себе в компаньоны кого хотела.

В течение нескольких дней я не появлялся в офисе, но в конечном итоге мои предложения были приняты. Мы оформили все необходимые документы передачи прав. В целях предосторожности, я открыл новые счета, сменил банк, где арендовал банковскую ячейку с документами. В общем, потихоньку наводил после себя порядок. Но, уехать, не повидавшись с Николая, одним из владельцев магазина на Мон-мартре, я не хотел.

Когда я зашел в его магазинчик, Николай стоял за прилавком, что-то показывая покупателю. Увидев меня, он кивнул в знак приветствия, я же, чтобы не мешать его торговле стал рассматривать картины, что висели на стенах или стояли на полу. Вскоре покупатель ушел, унося сувенир, и Николай подошел ко мне.

– Давно тебя не видел.

– Да все дела. У тебя время есть?

– Для тебя найду. – Он вызвал из подсобного помещения помощника, мы вышли и разместились в кафе, где любили иногда посидеть, выпить по стаканчику красного сухого вина. Сделав заказ, я обратился к нему:

– Я пришел попрощаться.

Мое сообщение ни как не отразилось на его лице. Николай вообще всегда был спокоен.

– Совсем? – спросил он.

– Как получится. Я продал свой бизнес и уезжаю.

– Далеко?

– Пока не знаю. Салон я передал Элен, так что когда она будет к тебе обращаться, ты уж не груби ей с ценами.

– Считай, что в ее лице, я буду продавать тебе.

У меня сложились с ним за несколько лет знакомства хорошие, хоть и не дружеские, отношения. Он был значительно старше меня, но это нам не мешало. С ним было легко и просто, как с хорошим старшим братом. Иногда я покупал у него картины для своего салона.

– Что чувствуешь?

– Грусть.

– Тогда ты уверен, что делаешь правильно?

– Николая, я уже взрослый мужчина и эмоции не командуют мной. Мне захотелось сменить обстановку, да и вообще сферу деятельности.

– Жениться тебе надо было.

– Я с детства умею увертываться от женитьбы, впрочем, как и ты.

– Важно, чтобы смысл был в твоём увертывании, впрочем, как и в смысле жизни.

– Когда жизнь начинает терять смысл, то не все так плохо, это позволяет дожить до глубокой старости.

– Это верно. Вот я живу и, в общем, без всякого смысла, просто наслаждаюсь жизнью, и все. Что голову забивать? Пусть она кому-то покажется бессмысленной, но она моя.

– Да, ладно тебе. Смысл твоей жизни в том, что ты не мыслишь себя без магазина, без этого кафе, без этих людей, что проходят мимо.

Николя задумался: – Наверное, это не приходило мне в голову. А твой?

– А свой я еще ищу.

– Не заблудился? Возраст не юноши.

– Это да, но что делать? Ищу все еще. А может быть он у меня в маленьких радостях, как и у тебя, только для этого надо посидеть и подумать.

– Ты стареешь, становишься сентиментальным. Но если так, то я тебя понимаю; необходимо осмотреться, чтобы понять, что все ли делал так, как хотелось.

Я промолчал в ответ. Мы смотрели на прохожих, потягивая вино из стаканов. Николя не задавал лишних вопросов, любопытства по отношению ко мне он никогда не проявлял.

– Я пойду, – сказал я, посмотрев на него. – Мне пора.

– Если будешь в наших краях, заходи, буду рад тебя видеть.

– Спасибо.

Мы встали, крепко пожали друг другу руки и разошлись.

Я покидал свой привычный мир. Мне нравилась Франция, я любил Париж, но должен был исчезнуть. Жаль, конечно, здесь была моя база, мое лежбище, здесь я залечивал раны, как физические, так и душевные.

Как я и решил, имя я оставил свое. Если надо будет поме-

нять его и гражданство, то в зависимости от обстоятельств выполнимо, а для начала я решил прокатиться по разным странам, замести следы.

Время неуловимо двигалось вперед, и наступил момент, когда я покинул эту гостеприимную страну. Моим направлением была Латинская Америка, где я бывал и имел представление о тех странах. Въехал я под своим именем, а потом растворился под другим. Никому не было интересно, куда делся этот француз, чем занимается. Сначала я присматривался, и начал новую жизнь с Уругвая, где жило много европейцев из бывших, но праздный образ жизни тяготил. Я выучился на парикмахера, и даже имел своих клиентов. Это было интересно и познавательно. Клиенты, могут сидя в кресле рассказать много новостей. Так я узнавал некоторые особенности характеров, привычек людей, узнавал политические новости еще до того, как они становились достоянием гласности.

Затем работал таксистом, поваром. Последняя профессия не была лишней для жизни. Когда устраивался на работу, то посмотрели косо, не молод уже, но готовить я умел, научили еще давно, да и так в жизни практиковался, но и сам перенимал тонкости национальных кухонь.

Так прошло около двух лет. Никто не знал, где я и пора было возвращаться. Во Францию я не поехал, а решил начать с Испании. Оставаться в роли повара, не серьезно, но возвращаться к прежнему виду деятельности не было смысла; надо было кардинально менять профессию.

В Мадриде я пришел в университет Комплутенсе и встретился с одним из проректоров, попросив меня принять на обучение, сказав, что хочу учиться на факультете политических и экономических наук, и получить степень магистра. Он посмотрел на меня:

– А не поздно вы решили? Учеба началась, да и возраст.

– Учиться никогда не поздно. Я сдам все, что необходимо и вы вручите мне диплом.

– И на кого учиться?

К тому времени я решил, что мне очень пригодиться направление прогнозирования. Хороший профессионал, а я им собирался стать, будет востребован всегда. Это было перспективное направление и давало возможность выходить на серьезные организации, в том числе государственные, но для этого надо было иметь соответствующее образование.

– Я хочу получить диплом магистра на факультете политических и экономических наук.

– Учиться можно, но есть ли у вас опыт, область очень серьезная.

– Я умею думать.

– Похвально, не все могут это сказать про себя. Давайте, попробуем.

Я заплатил за обучение и погрузился в учебу. При университете был исследовательский институт, который занимался анализом, и я стал активно сотрудничать с ним, к тому же зарегистрировал фирму, чтобы зарабатывать клиентуру

и опыт.

Через год я получил диплом магистра, и теперь пора было известить о себе. Я устал от простого созерцания, хотя и любил смотреть на жизнь. Работа нелегала не предусматривает наличия времени на суету, мир воспринимаешь иначе, и мелкие вещи не раздражают.

Дела по контрактам консультации клиентов по анализу и прогнозированию сначала шли не так уж хорошо, но мой опыт и умение анализировать, коммуникабельность, позволили мне установить хорошие отношения с институтом, а через них и с клиентами. Сначала я работал в Испании, но потихоньку стал выезжать и в ближайшие страны. По возможности участвовал в семинарах, а знание языков помогало стереть барьер общения. Своего рода это была бездеятельность: никаких секретов, вербовки и прочего. Я искал новых знакомых со связями, собирал информацию об их деятельности, привычках, составлял психологические портреты. Я знал, что все это может пригодиться.

В одной из Французских газет я поместил зашифрованное объявление, чтобы было понятно, где я, и как на меня выйти. В Центре увидели его, и вскоре я прочитал, что для меня есть информация; так мы встретились с Алексеем.

- Чем ты теперь занимаешься, – поинтересовался он.
- Политическим и экономическим прогнозированием.
- О, как! Это очень хорошо, – сказал он с радостью.
- Еще бы. Я все-таки учился.

– И чему тебя научили?

– Основам, остальное я знаю по опыту, того чему нигде не научат. Я отшлифовывал искусство соединять факты с вымыслом, которые вводят в заблуждение. Все должно выглядеть правдиво. Знаешь, когда знаешь, что такое дезинформация не понаслышке, то понимаешь, что это очень эффективное оружие, как наступательное, так и оборонительное. Многие часто интересуются вопросом, в общем, не вникая в подробный анализ. И все им кажется убедительным. Но важно не переиграть.

– Ну, я тебе здесь точно не учитель, ты это знаешь так, как знают не многие. Встреча с тобой была необходима. Когда приедешь к себе, то получишь письмо, там все поймешь. К сожалению, мы не сможем тебе помочь в дальнейшем, только потом по мере необходимости. У тебя не будет группы обеспечения, которая могла бы вбросить информацию о тебе, как специалисте, порекомендовать тебя. Нельзя, чтобы твоя фамилия возникла из ниоткуда, тем более в такой стране. Все придется самому.

– А разве раньше было иначе?

– Нет, но я тебе просто сообщаю. Сейчас будет труднее: другие условия жизни, противник сильный, против которого придется работать.

– Важно для кого ты работаешь, а не против кого. Мы же патриоты.

– А ты еще и не бедный патриот, – улыбнулся он.

– Это верно, но бедный патриот опасен. Он может кинуться в крайность, а состоятельный не будет рисковать, он предпочитает жить ровнее, спокойнее. Так куда?

– США, но для тебя это не играет роли, не впервой. Не спрашиваю, бывал ли ты там, это не мое.

– Роль играть приходится всегда, иначе давно бы уже выпал из обоймы.

– Ты золотой патрон в этой обойме. Плохо, если ты вдруг потеряешься.

– Постараюсь. У тебя память хорошая? – сменил я тему.

– Это, смотря для чего.

– Кое, что запомни. Остальное передам потом, – и я продиктовал ему несколько фамилий и должностей ряда испанских официальных лиц, которые могли представлять интерес, хоть и были не на виду у публики, но играли заметную роль. В дальнейшем я передал данные через тайник, и не только по испанцам.

Там, посидев в кафе, наслаждаясь красотой моря и приятным морским воздухом, я понял, что мой вынужденный отпуск, закончился. Встреча была не долгой и больше походила на беседу случайных отдыхающих. Случайно, встретились за чашкой кофе, и разошлись.

3

Через несколько дней, после встречи, я получил письмо от компании «Мастер Капитал». Таких писем приходило мно-

жество, в них всегда предлагалось, якобы что-то необычное, эксклюзивное, а на деле просто реклама. Я всегда просматривал их, так как никогда не знаешь, что может пригодиться. Все держать в голове – взорвется, но что-то от прочитанного остается.

Это было обычное письмо, где мне предлагались финансовые услуги. Расшифровав его, я лишний раз нашел подтверждение словам Алексея, что не все так просто. Мне предстояло перебраться в США. Въезжать я должен был только легально, а учитывая, что мне предстояло искать выходы на некоторые корпорации, то любая информация обо мне должна быть легальной, проверки будут, я не сомневался. За столько лет моей жизни во Франции, она такой и стала. Но не это было главным, мне сообщили название фирмы – «Метроном», которая работала на правительство США и представляла интерес, и где работал наш агент. Имя его мне не называли. Встречаться с ним не было необходимости, раскрывать себя мне было нельзя. Вот так вот. Тут есть о чем задуматься. Кому из нас не доверяли? Хотя, за время моей скрытой деятельности и побывав в разных ситуациях, я понимал, что в случае провала рисковать сотрудниками, которые за много лет, не выявлены, слишком дорогое удовольствие. Я не знал нелегал он или коренной житель США. Есть задание и его надо выполнять; здесь действительно помощи мне было не откуда ждать. Инструкция запрещала на первое время, какие либо активные действия, и любые контакты со

связниками исключались, только экстренные, да еще для извещения, что я приступил к работе. Мне дали каналы связи, но скорее так, по необходимости, тайники, а это значило, что дальше по обстоятельствам.

Знакомствами в европейских компаниях я уже обзавелся и мог рассчитывать на рекомендации, для выхода на американский рынок. Для решения задачи стал более внимательно просматривать приглашения на разные симпозиумы, семинары, где обращал внимание на географию преподавателей и возможных участников, в поисках представителей из США.

И вот после Нового Года, я получил приглашение на семинар в Голландию. Среди участников был и представитель США из университета Нью-Йорка – Майкл Стоун. Я дал согласие на участие, и в нужное время прибыл в Амстердам.

Майкл Стоун был светловолосым, чуть полноватым, возрастом примерно лет сорока. Характер у него оказался в меру открытый, дружелюбный. На семинаре я задавал много вопросов о методах работы в Америке и прочие. Однажды он спросил:

– Вам Европа не жмет?

– К счастью нет, но мир так велик и в нем еще много интересного, что хотелось бы узнать. К тому же европейские компании работают на вашем рынке и наоборот.

– Вот потому я здесь, чтобы лучше узнать друг друга.

В общем, мы быстро нашли общий язык, и проводили совместно вечера в барах, или просто прогуливаясь по улицам.

Из общения с ним, я узнал, что у него кроме преподавательской деятельности, есть фирма, которая оказывает консультации организациям, как и моя. Иногда мы спорили, иногда обсуждали какие-то вопросы. Он отдавал должное моим способностям трезвого анализа.

– Ты, Жан, достаточно трезво оцениваешь ситуацию.

– Я вообще мало пьющий.

– И это говорит француз!

– А ты представлял французов горькими алкоголиками?

– Примерно – засмеялся он. – А тебе, мне кажется, стало тесно в Испании. Это всего один штат моей страны.

– Зато она меня кормит

– Профессионал никогда не будет голодным. Сколько языков ты знаешь? Разговор мы вели на английском.

– Несколько, – ответил я уклончиво.

– И когда ты успел их выучить?

– А что мне делать долгими зимними вечерами? Я же холост.

– Это плохо, но неужели вечерами больше нечем заняться? А женщины?

– Нельзя уделять женщинам столько внимания, иначе потом, когда потребуются свободное время, его просто не будет. Я буду всегда что-то должен делать. Я становлюсь вечно обязанным.

– Это верно, – вздохнул он, – вечера идут для других, себе ничего не остается, вот и приходится скрываться на работе.

– Так ты женат? – поинтересовался я.

– Да, у меня двое детей, сыну – 18 лет, а дочери 15. Тебе надо жить у нас, – продолжил он начатую тему. – У нас любят таких трудоголиков, у которых основное – работа, тем более ты знаешь несколько языков, а это важно, при работе с другими странами, отсутствует языковой барьер.

– Это предложение для раздумий?

– Это мысли вслух.

Иногда мы обсуждали вопросы по событиям, на основе только официальной информации. Как-то он спросил меня:

– Тебе приходилось работать с Россией?

– Нет, такого опыта у меня нет.

– Но что такое государство есть, ты знаешь?– спросил он ехидно.

– Догадывался, -ответил я, придав задумчивое выражение лицу.

– Тем лучше. Вот что ты думаешь о ней?

– Майкл, как тебе не покажется странным, но я о ней не думаю.

– Но давай порассуждаем.

– Вместе или каждый сам про себя?

– Попробуем вместе. Был Советский Союз и развалился. Теперь Россия, государство не маленькое, но уже не такой монстр. Что ее ждет?

– Я мало о ней знаю. Но давай уточним формулировки. Советский Союз не развалился, а распался. Развал – это ха-

ос, а распад – значит, еще есть фундамент. Расхождение произошло по национальному признаку, а не по экономическому. Но это беда всех государств.

– Но Европа объединилась?

– Сложно сказать, чего больше: плюсов или минусов. Кто-то выиграл, кто-то проиграл. Но это отдельный разговор. Так, некоторые бывшие республики отброшены назад, и это показало, за счет каких регионов все держалось. Россия устояла. Ее пытались поставить на колени, но не вышло. Надо отдать должное и политикам других стран, не всем конечно, но нашлись сообразительные, которые понимали, что стоящий на коленях очень опасен. Ему порой нечего терять, а у России военный потенциал еще присутствует. С этим государством приходится считаться, пусть и не во всем. Оно пытается проводить свою независимую политику и это получается. Не всегда хорошо, но идеального не бывает. Развал экономики, восстанавливается медленно. Вам, американцам, повезло – вы, пожалуй, единственная крупная страна, на территории которой не было войн и внутренних потрясений, разборок в последние столетия. Депрессию – 30-х не берем в расчет, там другое. Оглянись в историю? Представь земной шар. Представил?

– Попытался, голова закружилась, земля же круглая, да еще и вращается.

– Это у тебя вино в голове хороводы водит. Вы поднялись после второй мировой войны. Ваш доллар стал мировой ва-

лютой, потому что другим странам, надо было восстанавливать экономику: нужно было оборудование, технологии. Все это у вас было, и вы, воспользовавшись моментом, не упустив его— это предоставили, но расчеты в вашей валюте. Это было разумно. А до войны, вы были как бы сами по себе, одним государством из множества. Но приучили мир, — усмехнулся я.

– Мы не жалуемся, находятся те, кто ест с руки.

– Это плохо. Значит, своих рук нет, но однажды могут и укусить.

– Пусть попробуют!

– Не обольщайся. Пока нет альтернативы, но будет. Европа зависит от вас, да и политики слабоваты. Прикармлили вы их, надо отдать вам должное, хотя они пытаются еще сохранить свое лицо, но играют по вашим правилам.

– А что? Есть, кто не слабоват?

– Та же Россия, да и другие растут. Вот Ближний Восток, прикармливаете, но это ваша беда, вы порой не понимаете их менталитета. Сейчас вы им нужны, вы для них друзья, но если вы отвернетесь, сразу станете врагом. Кстати, они и на друзей порой смотрят, как на врага за спиной. Не все, но это так. Я вообще не думаю, что у них есть друзья, разве, что партнеры на время, для достижения цели. Как только они встанут на ноги, они начнут показывать зубы. То, что вы дадите им, они повернут против вас. Вы этого не видите.

– У нас есть чем ответить.

– Не сомневаюсь, но не возможно, держать военных везде. Слишком дорогое удовольствие.

– И каким образом они ответят?

– Варианты разные, но я думаю все в комплексе. Там нет единства. Радикалы – террор, акции, кто поумнее, на вырученные деньги от своих ресурсов будут вкладывать и уже вкладывают в ваши предприятия.

– Так это хорошо!

– Да, но владеете ими не вы. Не забывай, что у них другой взгляд на жизнь. Не хуже, не лучше, а просто другой.

– Но финансы и крупнейшие корпорации у нас.

– Давай поговорим о дележе мира, в другой раз, – предложил я. – Ближний Восток вы поддерживаете, но повторюсь, все может обернуться против вас.

– Хорошо говоришь.

– Как умею, но это так, слова на основании доступной информации. Если Восток полыхнет, вам потребуется много денег.

– Зачем?

– Я уже говорил, армию содержать. Ты же понимаешь, сильных не любят. У вас сильная страна, кстати, Россия тоже не хилая, потому и косятся на нее. Вас не ждет в гости и Китай.

– Мы туда не собираемся.

– Ой, ли! Да брось ты, очень даже хотели бы, но не пускают. Он сам к вам придет. Мир уже другой, пора проводить

ревизию, переоценку, но, увы, амбиции прошлого вас еще крепко держат. Я думаю, локальные войны еще неизбежны. Вот и топчутся страны на чужой территории, прикрываясь красивыми словами, а сами просто хотят отвлечь от своей территории, чтобы к ним не лезли, да и оружие надо где-то опробовать.

– Немало для простой информации.

Я не собирался ему рассказывать о том, что довелось узнать реальности, и что некоторые вопросы на Востоке я знаю не понаслышке. Нельзя показывать более глубокое знание, иначе возникают другие вопросы.

Так в разговорах мы проводили вечера. За пару дней до окончания семинара, мы засиделись в баре, и вышли около полуночи. Ночь была теплая, и мы решили прогуляться по Дармштрат – главной улице красных фонарей. Быть в Амстердаме и не посетить столь известное место – непростительно. В квартале преобладали секс-шопы, стрип-бары. Несмотря на позднее время, улица была многолюдной и прекрасно освещалась, хотя было небезопасно. Мы заглядывали в разные переулки, так чтобы проникнуться атмосферой этого города, и в одном нам «повезло». Из двора вышли четверо парней, вид которых говорил, что они не собираются спросить, который час, и не пора или им домой, а если и спросить, то для того, чтобы посмотреть какие у нас часы.

– Вы зашли на чужую территорию, проход по которой платный, – выдвинулся вперед один из них.

– Какова стоимость возврата назад? – вежливо поинтересовался я.

– Кошелек, – ответил он буднично и спокойно.

– А если пустой?

– Тогда тебе не повезло, – засмеялся он.

– А в кредит?

– Ты сам понял, что сказал? Твой кредит доверия, ты уже давно исчерпал. Времени нет, давайте то, что у вас в карманах.

Майкл стоял спокойно, наблюдая за обстановкой, испуга на его лице я не видел, хотя мы оба понимали, что силы не равны, хотя бы с виду. Он посмотрел на меня, чтобы понять, что я собираюсь предпринять.

– Займись левым, – шепнул, я и он кивнул головой.

– Вы о чем там шепчетесь? – уже более злобно спросил стоящий впереди. – Я сказал карманы.

– Вот что ребята, мы посоветовались и решили, что содержимое наших карманов нам очень дорого, как память.

Ребята были смелые и не настроены вести беседы, тот, что ближе, без разговоров и угроз подался вперед и занес руку, в которой блеснуло лезвие. Рука шла низом. Майкл, чуть подался левее, и встретил удар стоящего слева парня. Двое других пока не бросились на нас, так им мешали их друзья. Я чуть повернулся и резким движением по запястью с двух сторон, выбил у нападающего на меня заводилы, нож и тут же ребром левой ладони, снизу вверх ударил его по горта-

ни. Все произошло очень быстро, он, не ожидая такого, и от удара по горлу стал падать. Один из двоих, что был сзади него, попытался его поддержать, а другой, проскочив мимо них, бросился на меня. С ним было легко, но падающий мне мешал, и нападающему удалось проскочить и зацепить меня ножом вскользь. Меня спасло от прямого удара то, что я повернулся. Не давая ему зайти за спину, я, чуть сместившись, и повернув корпус, пропустил его мимо себя, и он по инерции продолжал движение, не встречая сопротивления. Я использовал его в качестве опоры: обхватив обеими руками по касательной, чуть повернул его голову против часовой стрелки. Важно было не перестараться и не сломать ему шею. Пока я держал его за голову, левой ногой ударил в первого нападающего, которого поддерживал четвертый, и тот, падая, увлек за собой державшего. Отпустив руки от головы, я позволил парню упасть и оттолкнул его, сместился и мельком взглянул на Майкла, тот обрабатывал парня боксерскими ударами.

Они явно не ожидали такого отпора, и я крикнул Майклу: – Уходим, – мы резво побежали назад, и вскоре оказались на оживленной улице, где привлекли внимание, что вынудило нас сменить темп и направиться к гостинице спокойно. Преследователи за нами не бросились, да и куда им. Из четверых, лишь один был без травм.

– Куртка распорота, – обратил мое внимание Майкл.

– Не в полицию же идти, не хватало еще проблем с ней.

Все равно не найдут.

Мы остановили такси и вскоре были в гостинице. Администратор, увидев мой вид, когда выдавала ключи, хотела что-то сказать, но я пресек ее попытку вопроса, махнув рукой.

– Так за забор зацепился. Дайте пластырь.

– Интересно, где это вы нашли такой забор, – только и смогла она вымолвить.

– Была бы голова, а гильотина найдется, – пошутил я.

Она подала мне пластырь. Майкл стоял рядом. Я попросил его не беспокоиться и предложил встретиться в баре, через полчаса, хотя время было уже позднее. Он не стал возражать, а я поднялся к себе в номер, там разделся и увидел, что кроме куртки порван пиджак, но двойная одежда защитила, и на боку была только царапина. Я принял душ, обработал рану, заклеил пластырем и спустился в бар, где меня уже ждал Майкл.

– Ты как? – был его первый вопрос.

– Легкая царапина, пиджак и куртку жалко.

Мы заказали только безалкогольные напитки, считая, что алкоголя на сегодня хватит.

– Ты где так научился драться? Я не видел всего, но я был против одного, а ты...

– Один вообще не вступал... Так бурная молодость.

– А ты крепкий парень, и не только мозгами.

– Ладно, – махнул я рукой. – Ты тоже не стоял.

– Я в молодости боксом занимался.

– Вот и пригодилось. Оставим это, не то событие, чтобы его обсуждать.

Мы посидели с полчаса и разошлись.

На другой день, что был последним на семинаре, Майкл, поинтересовался моим самочувствием, и, получив ответ, что не стоит этому уделять столько внимания, больше не возвращался к теме. На другой день мы должны были разъезжаться. Вечером Майкл пригласил меня в бар при гостинице.

– Не будем искушать судьбу, посидим здесь, – пояснил он. – Сегодня угощаю я.

– Думаешь, я буду возражать?

– Кто тебя знает.

Сделав заказ, мы сели за угловой столик.

– Я тут подумал, может быть нам поработать вместе? – предложил он, когда виски стоял на столе. – Боевое крещение мы уже прошли.

– И как ты себе это представляешь?

– Создать фирму, юридически это общество с ограниченной ответственностью, а коротко – L.L.C. на двоих у нас в США. Название придумаем. Регистрацию беру на себя. И вообще, пообщавшись с тобой, предлагаю, что моя часть организационная, а твоя творческая, ну я, конечно, тоже буду подключаться. Чтобы легче прошла регистрация, мне лучше быть директором, как гражданину США.

– Заманчиво.

– Ну что ты здесь? – продолжал он. – Там масштабы другие. Другие деньги.

– Я там ничего не знаю и никого, а здесь как-то уже сформировался круг клиентов.

– Ты знаешь меня. Не думай об этом, клиенты моя забота, будет достаточно, так еще выбирать будем. У меня не плохие связи и в государственных учреждениях. Не смотри, что я такой простоватый.

– Несмотрю. И что потом?

– Работа. Доходы пятьдесят на пятьдесят на пятьдесят.

– Надо подумать.

– Разумно. Значит так, что время терять. Через неделю жду твоего звонка и надеюсь на положительный ответ. Работа будет. Жилье подберу, варианты предоставлю.

– Не надо плохих районов.

– Не забивай голову. Ты платежеспособен?

– Пока да.

– Значит, не волнуйся. Мне нужны твои мозги.

– Они мне самому нужны.

– Я их только арендую. Так что?

– Хорошо, я подумаю и позвоню.

На этом вечер был закончен и, поговорив на темы семинара, мы разошлись, а на другой день каждый уехал по своим делам. Я решил побывать в Париже, в котором не был несколько лет.

Париж встретил меня прохладой зимнего дня. Выйдя с поезда, я отправился в гостиницу и, не задерживаясь в номере, пошел прогуляться по таким знакомым и близким мне улочкам. Я бродил и старался увидеть новое, оно было, но не портило вида, того, который я помнил: фасады зданий, стеклянные витрины кафе, даже люди также спешили, и это радовало. Заходить в компанию, которой раньше владел, я не собирался; по ней ностальгии не было, а расспросов о себе я не хотел. Прошел мимо салона, где теперь командовала Элен, и было приятно увидеть, что он работает.

Затем я поднялся на Монмартр, и вот здесь мне захотелось задержаться. На улицах продавали жареные каштаны, тут же в многочисленных кафе пекли блины с множеством начинок на выбор. Было прохладно, хоть и не минусовая температура. Я зашел в кафе, где любил сидеть. Летом я обычно размещался на веранде, но сейчас не сезон. Заказал стакан красного мартини и сел у окна, и по старой привычке наблюдал за улицей.

– Я так и думал, что если ты появишься в Париже, то я встречу тебя именно здесь, – услышал я знакомый голос Николая. Он подошел к столику, и стоял со стаканом вина, улыбаясь, глядя на меня сверху вниз. Улыбка его была доброй, а глаза выражали искреннюю радость от встречи.

– Хочется надеяться, что я тебе не помешал, – продолжил он, насладившись эффектом от встречи.

– Садись, Николая, ты один из немногих, кого мне приятно видеть и твоя надежда тебя не обманула.

Он сел за столик, а я, подозвав официанта, заказал бутылку сухого красного вина.

– Я бы все равно к тебе зашел, – сказал я в оправдание.

– Верю.

– А ты не изменился, Николая.

– Глупо было бы иначе. Я уже в том возрасте, когда время замирает на лице. Да и меняться нечему; даже если появиться еще одна морщина, то она не будет уже заметна среди подобных ей. Время остановилось, – повторил он философски. – А вот про тебя этого не скажешь.

– И в какую сторону изменения?

– Не в худшую. Хотя ты не женщина, чтобы делать тебе комплименты. Это они очень переживают, увидев седой волосок, а мужчине седина к лицу. Судя по тому, что у тебя загорелое лицо, значит, живешь там, где много солнца, особенно это заметно на моем фоне, закоренелого парижанина, живущего в полутьме магазина. Ты давно в Париже?

– Сегодня приехал.

– Надолго?

– Проездом.

– Ясно, снова в путь, – вздохнул он. – На прежнюю работу не заходил?

– Не хочу ворошить прошлое.

– Это правильно. Прошлое оно уже было, хотя будущее

еще не пришло!

– Ну, о нем хотя бы можно мечтать.

– Не смей меня, мечтатель. И как твоя оседлая жизнь?

Я пожал плечами: – Трудно назвать это оседлой жизнью, но пока живу в Испании.

– Почему там?

– А почему нет? Тепло, я просто сменил обстановку, как и много другое.

– Значит, искусством больше не занимаешься, – сделал вывод Николая.

– Только интересуюсь. Я занимаюсь стратегическим прогнозированием.

– Интересно?

– Пока да.

– Не буду спрашивать твой прогноз о том, что будет дальше. Хочу продолжать жить и дальше спокойно, довольствоваться тем, что у меня уже есть, а чего нет – мне без надобности.

– Да и я не гадалка.

– Ты так ни разу не приезжал, с тех пор как уехал?

– Ни разу, я бы зашел к тебе.

– Почему не приезжаешь просто так, не далеко же?

– Я там не так давно.

– А до этого?

Я нарисовал пальцем в воздухе круг, и он понял меня:

– Голова не закружилась от такого перемещения по пла-

нете?

– Вот потому и остановился.

– Надолго ли! – усмехнулся он. – Ты как вольный ветер перемещаешься. Может быть пора остановиться? Пора подумать о душевном покое.

– Рано еще, да и не получится. Я вот еду из Голландии, и вероятно скоро покину и Испанию.

– Неугомонный ты человек, Жан. Что тебе не сидится на месте? Посмотри, какая красота, когда не торопишься никуда, – указал он кивком на улицу. – А на меня? Спокойный человек, с минимумом запросов, и при этом счастливый. Тебе же предстоит понять, что быть счастливым – это когда обрешь покой. Вот как мы сейчас с тобой: сидим не торопимся, наслаждаемся временем и разговором.

– А ты становишься философом, – замети я.

– А что мне еще остается делать, как не размышлять. И куда ты намерен поехать дальше? Не хочешь, не говори.

– В Америку, – у меня не было причин скрывать от него, все было официально: – Мне предлагают там работать.

– И ты согласился!

– Ответа пока не дал, но склонен согласиться, интересно.

– Тебе виднее. Мы в этом плане разные, что возможно нас и сблизило.

Мы просидели с ним еще часа два, допили вино. Зимнее солнце еще не зашло, но уже коснулось крыш домов. Зимний день не долог, как и наша встреча, которая должна была

когда-то закончиться. Когда прощались, Николая сказал:

– Не знаю, увидимся ли снова, я уже не так молод. Удачи тебе!

– Спасибо.

Мы расстались, разойдясь в разные стороны. Было грустно; встреча с Николаем была приятна, но внесла свою лепту в мое настроение. Спустившись вниз, я шел по улице, не замечая прохожих, машин, которые проезжали мимо. Но вечер встреч для меня сегодня не закончился; позади меня остановилась машина, и я услышал:

– Жан! – голос был знакомый, женский и с легким акцентом, я обернулся. Этой встречи я никак не ожидал. Около машины стояла красивая женщина, и улыбалась мне – это была Инга. Я познакомился с ней, когда был по заданию в Катаре, она тогда служила в охране одного чиновника. В те времена обратилась ко мне с просьбой, и когда приехала в Париж, то я познакомил ее с нужными людьми, чтобы она создала охранную фирму. Я подошел к ней:

– Надо же! Никак не ожидал тебя встретить. Видимо я не сильно изменился, если ты узнала. Рад тебя видеть.

Я смотрел на Ингу. Она была также привлекательна, стала чуть полнее, но это ее не портило, да и красота стала более строгой, женственной.

– Разглядываешь? Сильно изменилась?

– Немного, – не соврал я. – Такая же привлекательная.

– Ну, если так, что мы стоим? Поехали, – предложила она.

Я не стал спрашивать куда, так как вечер был свободным, а одному не хотелось оставаться. Когда мы отъехали, она поделилась:

– Столько лет здесь живу, а увидела тебя впервые, стех пор, как приехала. Странно.

– Париж большой город, всегда есть место, где можно спрятаться.

– От женщин?

– От себя, от вас не спрячешься, да и желания нет. Но я давно не живу в Париже и даже во Франции.

– Теперь понятно. И где теперь?

– В другой стране, -ответил я уклончиво, а она не стала переспрашивать.

– Женат? Извини, если вопрос не корректный.

– Холостой еще, – улыбнулся я. – Никто не предлагает. А ты?

– Это ты по поводу предложения жениться на мне?

– Увы, я не могу так быстро принимать такие решения.

– А зря. Иногда надо головой в омут, а там разберешься.

– Голову берегу, мало ли что под водой.

– Думаю, в этом году, возможно, выйду, – поведала она.–

Но я уже была замужем, развелась, есть сын, он сейчас у бабушки. А ты чем занимаешься, раз нет семьи?

– Прогнозированием политических и экономических ситуаций, – пояснил я уже за сегодня второй раз, в надежде, что не придется этого делаться снова.

– Хорошее дело, а я все так же, как и раньше – охранный бизнес. Забот хватает, но мне нравится.

Ехали мы недолго и вскоре остановились около пятиэтажного здания. Инга припарковала машину и когда мы вышли, спросила:

– Не спрашиваешь куда привезла? И зачем?

– Очевидно, к себе домой, а зачем скажешь.

– Трудно не догадаться зачем. Хочется с тобой поговорить в тишине. Поверишь?

– Нет.

– Правильно, тогда пошли, – и она направилась к двери подъезда. Войдя, мы поднялись на лифте на четвертый этаж, она открыла дверь квартиры, которая был достаточно большой.

– Проходи, – предложила она. – Кофе будешь? – и, получив согласие, ушла на кухню. Я разместился на диване рядом с журнальным столиком и пролистывал журналы, когда она принесла кофе. Инга достала из бара бутылку коньяка, протянула мне и села в кресло рядом.

Мы выпили и она, посмотрев мне в глаза, тихо сказала:

– Ты сейчас похож на путешественника, который долго отсутствовал, странствуя по миру, жизнь которого полна неожиданностей и приключений.

– Не люблю неожиданности.

– Это, смотря какие, – засмеялась она. – На то она и неожиданность, чтобы быть внезапной, и как женщина

непредсказуемой. А ты все тот же, но у тебя стало больше седины на висках, но, как и раньше пронизательные глаза, которые заглядывают в душу, и вник житейский опыт, мудрость.

– Такое впечатление, что мне уже много – много лет, и я как Гуру уже просто наблюдаю за жизнью, которая протекает мимо.

– Все зависит от тебя, насколько ты активен, а не простой наблюдатель.

На моем лице появилось удивление:

– Что значит наблюдатель? Поясни?

– Не плохая, как я думаю женщина, приглашает в гости мужчину...

– И?

– И! Интересное дело, – сказала она улыбаясь. – Обычно я верчу мужчинами, как хочу, нет, это правда, я не хвастаюсь, это действительно так. Я знаю, что и как получить от мужчины и всегда получаю то, что мне нужно, а сейчас не знаю как себя вести. И что? Тобой не повертишь, Ты мужчина, каких мало, – сделала она вывод.

– До мозга и костей, – ответил я. – Но я бы с удовольствием тебе помог, подсказал, если бы знал, что ты хочешь?

– Не прикидывайся глупцом, у тебя это не получается. – Она встала с кресла, я поднялся тоже. Я видел ее широко открытые глаза, видел ее смущенные губы, которые чуть вздрагивали. Она не оробела под моим взглядом, а смотрела от-

крыто, улыбаясь доброй, приветливой улыбкой.

Она не знала как себя вести и что дальше? То ли как гостя принимать, раз пригласила, то ли как женщина, которая почти открыто, предлагает свою любовь. Я ее понял уже тогда, когда мы подъехали к ее дому, а она боялась ошибиться, вдруг я прикинусь слепым, но этого я не мог себе позволить. Обойдя столик, что разделял нас, я обнял ее и потянулся к ее губам, которые чуть приоткрылись, хотя с горечью осознавал, что это вовсе не любовь.

За окном уже давно стемнело, когда пришла пора уходить. Мы, как и вначале, сидели за столиком, и пили кофе. Инга в отличие от меня, одетого, лишь набросила халатик, застегнув поясик на талии, что подчеркивало ее фигуру. Полы халата разошлись, открывая ее стройные ноги, которые так недавно прижимались ко мне, как и высокая грудь.

– В следующий раз, если буду проезжать мимо, не остановлюсь, – заметила она, грустно глядя на меня. – Ты хороший мужчина, о таком можно только мечтать, но ты опасен. Рядом с тобой я теряюсь, хотя чувствую себя женщиной, а я уже привыкла все решать сама, без мужчины. Во мне всегда будет идти война, подчиниться или уйти. Если будешь рядом, не заходи, телефон тоже не даю, – и, вздохнув, добавила. – Хотя знаю, что буду жалеть.

– Не нужно.

– Я попытаюсь. Ты всегда останешься холостяком, -груст-

но улыбаясь, заметила она. – Ты такой. Я рада, что мы встретились вот так случайно, неожиданно и эта неожиданность была непредсказуемой. Я еще тогда была не равнодушна к тебе, почувствовала тебя, но тогда было не время и не место. А сейчас все, так как надо. Не приходи, хотя ты понимаешь, что это я убеждаю себя, что вдруг придешь.

– Извини, но не получится. Я скоро уезжаю.

– Я помню, ты живешь в другой стране.

– Другая страна – Испания, это не так далеко. Все сложнее. Я уезжаю в Америку и думаю надолго.

Инга смотрела на меня. В ее глазах, проблески надежды сменились грустью.

– Это даже лучше, значит, сегодняшняя вечер точно был не зря.

Вскоре я ушел. Уже возле двери она прильнула ко мне, словно хотела впитать мой запах и затем, отстранившись, поцеловала и лишь произнесла: – Иди.

Я вышел из дома, и, поймав такси, поехал в гостиницу. По дороге я размышлял, что верно сделал, сказав куда уезжаю. А как иначе? Мне надо делать все легально и если мне предстояло работать с организациями, имеющими отношение к правительству, то я должен понимать, что попаду под внимание ФБР. Это неизбежно. Кто-то сказал, что если попадаешь под внимание спецслужб, то это начало конца. Я был с этим не согласен, все зависело от того, что ты делаешь и как. Надо помнить и постараться не ошибаться. Иногда это даже

полезно знать, о внимании к себе. Уснул я быстро, едва коснувшись подушки.

На другой день я покинул Францию, которая оказалась такой непредсказуемой для встреч, но которые были приятны своими воспоминаниями.

5

Решение было принято, а значит, пора готовиться, и через неделю я позвонил Майклу и дал согласие.

– Правильное решение, у меня были сомнения, но не большие.

– Ты всегда так уверен?

– Нет, но я понимаю, что тебе должно быть тесно.

Мы обговорили процедуру создания компании, какие документы требовались от меня. То, что Майкл будет директором, меня устраивало, так как в этом случае я не буду регистрироваться в их органах. На все организационные вопросы: получение визы, завершение дел по текущим делам, ушло около месяца. Я, как и думал, не получил отказа от некоторых компаний, когда обратился к ним за рекомендациями.

В начале весны я вылетел в Нью-Йорк, авиакомпанией Iberia из Мадридского аэропорта Баррахас. Вылетел я после обеда, полет занимал около восьми часов, но с учетом разницы во времени, самолет совершил посадку в аэропорту Кеннеди в семь вечера по местному времени. Во время полета, я

общался с очаровательной стюардессой, которая, как понимаю, была не против продолжения знакомства, но, увы, она должна была возвращаться.

– Вы летите к друзьям? – поинтересовалась она.

– Если бы. Я лечу работать, но там все равно буду гостем, впрочем, как почти везде.

– Почему?

– Я француз, а вот работал в вашей стране. Жаль, что мы познакомились только в полете. А здесь все так быстротечно.

– Не все, как вы думаете, – лукаво ответила она.

– Я учту.

На выходе из 7-го терминала меня ждал Майкл. Он тепло приветствовал меня, а проходящая мимо стюардесса с нашего рейса, кокетливо улыбнувшись, заметила:

– Забирайте своего иностранного, гостя. Мы его вам доставили невредимым.

Майкл, не скрывая удивления, выпалил:

– Молодец, как ты быстро находишь язык с женщинами.

– Да, мой друг, у меня есть одно преимущество – я не женат, а это такой стимул для них.

– Так, не надо омрачать нашу встречу грустным, – притворно вздохнул он, и, подхватив чемодан и сумку, направился к машине; погрузив их в багажник, мы отъехали от здания аэропорта.

Нью-Йорк встретил меня пасмурной погодой: тихо моросил дождь, по темному своду неба, проползали ключья туч, а

мягкий сумрак готов был поглотить город, опустившись ниже крыш домов, и от этого пелена дождя казалась еще гуще и плотнее.

– Погода сегодня не важная, – оправдывался Майкл, – но обещали исправить.

– У тебя там тоже связи, – спросил я, поглядывая на проплывающий мимо город.

– Да, есть немного, договорился. Сейчас я тебя отвезу в гостиницу, а завтра займемся делами. Тебе надо отдохнуть с дороги, да и разность времени скажется.

Он подвез меня к одной из небольших гостиниц на Манхэттене, там я попросил его не стараться ухаживать за мной, а приехать завтра. Он не настаивал, и я, положив вещи в номере, подошел к окну. Начинался новый этап моей жизни, что там ждет не известно и какова длина этого этапа.

Угасал серый дождливый день, ветер время от времени швырял в стекла окон, частые, стремительные капли дождя, и иногда казалось, что я слышу, как он завывает в ветвях деревьев. Я стоял и смотрел на этот неприветливый пейзаж, и уныло размышлял. Мне известно, что надо было делать, но пока не определился как. Поле моей деятельности было чистым, но вся беда заключалась в том, что оно был минным; один неверный шаг и все закончиться. Отбросив грусть, я отвернулся от окна, не для этого приехал, мне нужна была тропинка по этому полю и я обязан ее протоптать.

Спустившись вниз, я поужинал в баре при гостинице и,

вернувшись, лег спать.

Утром, когда я проснулся, то увидел, что солнце заливает комнату, как и обещал Майкл. Это радовало, всегда приятнее начинать дела в солнечный день.

Я уже был одет, когда он за мной заехал.

– Уже готов! Молодец! Дело превыше всего!

– И как ты до него дотянулся?

– Подпрыгиваю. Поехали завтракать.

Он повез меня в небольшой ресторан, хотя можно было зайти и в закусочную, но Майкл предпочел заведение рангом выше, пытаясь показать, что Америка может гордиться своей «кухней». Мы взяли яйца – «бenedикт», что представляли тост с ветчиной, яйцом, голландским соусом; говяжье филе; я кофе с кофеином, а Майкл без кофеина и с обезжиренным молоком.

– Ох уж эта забота о здоровье! – вздохнул я.

– Потом будет поздно заботиться.

– Но все, что вкусно, как обычно – вредно. Если не ты, то кто-то же должен уничтожать вредные продукты. Пусть это буду я.

– Ты холост, тебе проще.

– Да, завещание не составлял.

После завтрака он предложил начать осмотр подобранных им квартир, сообщив, что бытовые условия, по его мнению, надо решать сразу, чтобы потом не отвлекаться от дел, а особенно это касается холостого мужчины. Посмотрев несколь-

ко вариантов, я выбрал квартиру на 4-ом этаже пятиэтажного дома, что на Западной 85 улице Манхэттена. Это был район Верхний Вестсайд и расположен между Центральным парком и рекой Гудзон. Район избежал туристического хаоса, и улица была относительно спокойной, что меня устраивало, так как на такой легче заметить слежку. От дома была хорошая доступность к метро и автобусам, что играло не маловажную роль – машину я покупать не собирался, не хотел регистрироваться, лучше было взять на прокат.

Внутренняя отделка дома меня тоже порадовала: светлые стены, а широкая лестница вела на этажи. Лифта не было, что также исключало возможные неожиданности. Сама квартира была скромной: войдя, сразу попадаешь в комнату, что типично для многих американских квартир, затем проход в спальную, направо дверь на кухню, рядом в санузел. Окна кухни выходили тихий внутренний дворик. Окна были большие, что делало квартиру светлой и уютной.

– Ну что решил? – спросил меня Майкл, и, получив положительный ответ, улыбнулся. – Я ее специально последней показал, мне она тоже понравилась и расположением и чистотой. Все есть, осталось перевезти вещи и купить минимум продуктов. Готовить умеешь?

– Я много ездил, и ни разу не голодал.

– Еще бы, да тебя женщины прокормят, только мигни.

– Нет уж, я лучше сам, кто знает, что она положит в еду.

– Если все устраивает, то давай посмотрим офис, он не

далеко.

На машине, с учетом пробок мы доехали до здания, где Майкл арендовал помещение под офис минут за двадцать. Помещение располагалось на пятом этаже многоэтажного офисного здания и состояло из двух кабинетов и приемной, где нас встретила миловидная женщина.

– Познакомься – это Кейт, наша сотрудница. В ее функции входит переписка, почта, телефонные звонки и прочая бумажная работа.

Мы с Кейт поздоровались, и, осмотрев офис, я остался доволен.

Майкл помог мне перевезти вещи, и мы договорились, что он заедет за мной через два дня, а все это время я посвящу обустройству и знакомству с районом.

– Только постарайся по вечерам не ходить далеко, – попросил Майкл.

– Боишься?

– Не за тебя, за других, – ответил он.

Оба дня я был поглощен устройством на новом месте: с вдохновением ходил и изучал улицы, переулки, виды транспорта и их маршруты. Посещал магазины, чтобы чуть украсить квартиру и придать ей жилой вид. На пересечении Бродвея и 81– улицы обнаружил большой магазин Zabar's, и как, впоследствии, узнал, что ньюйоркцы считают его главным. В нем было все: кофе разных сортов, оливки со всех концов света, супы, чтомогло избавить меня от их пригото-

ления. Но главным в этом магазине является копченая рыба, которую можно пробовать перед покупкой. На втором этаже я купил кофейник, для варки кофе по утрам, а в кафе рядом с магазином, с таким же названием, перекусил, найдя свободное место, хотя в нем было достаточно многолюдно. Я люблю иногда посидеть в шумном месте, что давало возможность понаблюдать повседневную жизнь.

Но эти два дня я потратил не только на магазины. Как там сказал Майкл – дело превыше всего. Вот и начнем, но не подпрыгивая. В один из дней я отправил письмо, по адресу, который мне дали, еще в Европе. Я написал некоему Айку, в котором извещал, чтоя проездом и с его братом все в порядке. В общем, обычная чепуха, главным было, что подписано Макс. Это и давало сообщение, что я приступил к работе. Письмо было написано левой рукой, до востребования.

Через два дня, Майкл заехал за мной, и мы отправились в офис.

– Ну, что наступило время зарабатывать деньги, – поделился мыслью Майкл, когда мы расположились в его кабинете, а Кейт приготовила нам кофе. – Я тут проработал несколько вариантов. Заказчики есть.

– Майкл, еще одно. Надо попытаться попадать на различные мероприятия, где могут быть представители интересующего нас бизнеса, особенно представители государственных органов, чтобы через них выйти на крупный капитал.

Мы оба понимали, что самые вкусные заказы – от госу-

дарства, это визитная карточка, если работаешь с ними.

– А наоборот?

– Можно, но чиновники не обращаются с маленькими организациями.

Майкл задумался, а я не стал продолжать, видя, что у него идет мыслительный процесс, что отражалось на лице.

– Есть у меня знакомый, учились вместе, – пояснил Майкл, – он сейчас вращается наверху. Подумаю, как до него добраться и других посмотрю.

– Идею оставь для раздумий, – засмеялся я, – это дальний прицел. Сейчас давай начнем с того, что ты наметил, но параллельно думай, где и кого можно зацепить. Через знакомства отрываются многие двери.

В течение месяца я работал с небольшими компаниями, помогая им в реструктуризации управления, работе с документами по участию в конкурсах, и как их выигрывать. Потихоньку, денежные средства стали поступать на счет, позволяя нам содержать компанию и выплачивать содержание. Дело сдвинулось с мертвой точки.

В один из погожих весенних дней, когда я появился в офисе, где бывал не каждый день, Майкл с порога сообщил:

– Кажется, нашел возможность. В ближайшее время в Нью-Йорке будет очередная художественная выставка, где будет присутствовать высокопоставленный человек.

– Неужели президент США!

– Ага, так туда нас и пустили, но это будет сенатор.

– А он нам нужен?

– Надо же знакомиться. Мне обещали пригласительный, но пойдешь один. Ты что-то понимаешь в картинах?

– Эх, Майкл, это одно из моих увлечений, вчем я немного разбираюсь. Здесь я тебя не подведу.

Через несколько дней он вручил мне пригласительный билет, на открытие художественной выставки, каких-то современных художников и скульпторов. Майкл уточнил, что планируется, что будет сенатор Фил Моррис.

Я навел справки из прессы, и выяснил, что Моррис занимался внутренней денежной политикой. Мне это мало о чем говорило, но попробуем с чего-то начать попытку забраться на Олимп.

В назначенное время я подъехал к выставочному залу и, показав пригласительный, вошел. Зал был не большой и состоял из трех помещений, в каждом из которых были представлены работы по темам: классика, авангардизм, керамика: вазы, статуэтки и прочее. Я прохаживался по залам, поглядывая на вход. Появление сенатора было трудно пропустить; собравшаяся публика потянулась к входу, и там образовался легкий шум. Сенатор отвечал на приветствия. Я узнал его по фотографиям в прессе. Но сейчас видел его воочию: ростом он оказался вышесреднего, широкие плечи, возраст за пятьдесят. Он стал передвигаться в сопровождении организаторов вдоль вывешенных произведений. Для него это было дежурным мероприятием, но я узнал, что он

интересуется картинами, и направился к одной, которая могла его заинтересовать.

Я стоял возле холста, и когда он подошел, я, не поворачивая головы, словно рассуждая с подошедшим неведомым собеседником, произнес:

– Не плохо, но вот чуть светлее краски положить в верхнем углу, было бы не плохо. Картина стала бы светлее. Но из этого художника может выйти не плохой мастер, нужна поддержка дарований. Искусство не может жить само по себе, его надо внедрять в массы, к нему надо приучать, особенно к хорошему, а плохому сами научиться.

Я услышал за спиной чуть левее меня смешок: – Это верно, плохое не требует поддержки, но надо разбираться в том, что говорим.

Я повернулся и увидел сенатора, смотрящего на картину. При моем повороте он переключил внимание на меня; взгляд его был спокойный, уверенный, цепкий.

– Я не берусь судить о том, чего не знаю, но высказываю свое мнение, – заметил я, обращаясь к нему.

– А вы знаток? – усмехнулся он.

– Во всяком случае, отличить школу могу, также как, и преподнести.

– А вы кто? – спросил он заинтересованно.

– Гость, – скромно ответил я. – Жан Марше.

– Француз! И что вас привело сюда?

– У меня здесь бизнес, но не имеющий отношения к ис-

куству.

– А основная деятельность?

– Экономическое и политическое прогнозирование. А искусство – хобби.

– Это тоже интересно. Но дорогое у вас хобби.

– Не дешевое, но надо уметь из пока не дорогого сделать признанное и дорогое.

– И вы это умеете?

– Думаю, навыков не потерял.

Сенатор внимательно посмотрел на меня, прикидывая, пригожусь ли я ему, и видимо решив, что ничем не рискует, спросил:

– Давно из Европы?

– Несколько недель.

– Фил Моррис, сенатор, – представился он. – Если вы, с ваших слов что-то понимаете в искусстве, то уделите свое время мне.

– Если смогу.

Он повернулся к своему помощнику: – Запиши номер телефона господина Марше, и потом мы обсудим возможное время встречи, – и снова повернулся ко мне. – Вы не возражаете, если вам позвонят?

– Но я не эксперт.

– Я это понял. Посмотрите мои картины дома. У вас возможно свежий взгляд.

– Возможно.

– Мы договорились?

– Я не возражаю

Он попрощался и направился дальше, помощник, задержавшись, записал мой телефон и поспешил догонять начальника.

Для вида я пробыл на выставке еще с полчаса и покинул ее, направляясь домой.

На другой день я обратил внимание Кейт, что если меня будут искать из приемной сенатора Фила Морриса, то она должна меня найти, где бы я ни был.

– Прямо везде?

– Хоть в постели, хоть в ванной.

При разговоре присутствовал Майкл и вступил:

– Не провоцируй даму, она же не будет дежурить у тебя в постели?

– Это уж как получится.

У нас сложились хорошие отношения и все поняли шутку.

– Я не прогадал, – радостно сделал вывод Майкл. – У меня нюх на деньги, и я рад, что уговорил тебя приехать, я чувствовал, что с тобой можно иметь дело.

– Только не простудись, иначе нюх потеряешь. Берегите его Кейт.

6

Я навел справки и узнал, что Фил Моррис занимался внутренними вопросами страны, а точнее денежной ее составляющей, явного прямого отношения это ко мне не имело, но

деньги за что-то проплачиваются. Через него, я мог познакомиться и с другими интересными личностями. Любое знакомство на таком уровне было очень полезным.

В конце мая мне позвонили от сенатора и спросили, могу ли приехать на уикенд в Гривич в субботу во второй половине дня. Получив согласие, по голосу я узнал, что звонил помощник, что записывал мой телефон, он заинтересовался, на чем я поеду, и, получив ответ, что поездом, заверил, что меня встретят на станции, после трех часов.

Вот так вот. В любом деле нужно усердие, умение ждать, но и без случайностей не бывает. Можно много времени потратить на возможность входа туда, куда очень хочется попасть, а можно познакомиться, хотя в моем случае это вряд ли случайность, и попасть в нужный круг быстрее.

Обычно выходные я проводил в городе, работал, гулял по Центральному парку, вчем была даже необходимость, пару раз был в гостях у Майкла, познакомился с его семьей.

Поездка попадала на первую субботу лета. День выдался солнечный и утреннее солнце, с утра заливало комнату, извещая, что день будет жарким. Позавтракав у себя дома, я не стал строить планы относительно встречи, так как не знал, кто там будет, и что вообще будет происходить.

Вначале четвертого я сошел на небольшой станции; машин было не много, и одна явно выделялась среди других своей новизной и дороговизной. Я подошел, назвал себя, водитель положил сумку в багажник и мы отъехали от здания

вокзала.

От станции мы ехали по асфальту, но вскоре свернули на второстепенную, покрытую гравием дорогу. Она была извилистой и проходила между деревьями, крона которых упала в листве, сквозь которую редкие лучи солнца пробивались до дороги. Машина подъехала к открытым воротам, столбы которых были увиты плющом, и мы въехали на территорию, где моему взору открылась усадьба. Как только водитель остановил машину у подъезда, из двери дома вышел мужчина и замер, следом вышел Фил.

– Добрый день, Жан! Рад вас видеть в своем скромном жилище, – приветствовал он, как только я вышел из машины.

– Скромность вас точно украшает, – ответил я. Конечно, возможно я был не прав, и надо было быть более скромным при разговоре, но здесь не кабинет, да и отношения лучше выстраиваются в непринужденной обстановке. В высших кругах оценят, что ты не человек второго сорта, да и не был я его подчиненным.

– Билл, – обратился он к стоящему на ступеньках мужчине, – отнесите вещи Жана в его комнату.

Водитель достал из багажника сумку и передал Биллу.

– Вы не устали? Здесь не далеко ехать.

– Даже не успел.

– Тогда пойдемте за дом, у нас сегодня небольшая компания, будем отмечать наступление лета, – он открыл дверь, и мы вошли в холл. Справа, почти под лестницей, стол, рядом

полукруглый диван. Широкая лестница вела на второй этаж, на стене, вдоль лестницы висели картины. Справа и слева были массивные двустворчатые двери. На стенах, от дверей также висели картины.

– Если не возражаете, то мы осмотрим картины позже, а пока я вас познакомлю со своими друзьями. Обед будет в семь часов.

Мы прошли по паркетному полу, и вышли на задний двор, где возле бассейна расположились двое мужчин и три женщины. Справа от шезлонгов стояла тележка с напитками, возле которой стоял мужчина. Услышав нас, он повернулся, взглянул и вновь отвернулся, разглядывая бутылки, раздумывая, что налить. Когда мы подошли Фил представил нас:

– Представлю вам своего нового знакомого, знатока искусства – Жан Марше. Он не так давно в нашей стране и у него еще свежий вкус из Европы. Прошу не обижать.

– Вкус либо есть, либо нет, – буркнул мужчина, повернувшись от тележки. Он был примерно одного возраста с Филом, но худощав, гладко выбрит. Узкое лицо, глаза чуть на выкате, с пышной шевелюрой волос. Лицо немного бледное, загар не пристал к нему, и красок на лице было мало. Но в его кажущихся простых, бесцветных глазах пряталась жизнь, в них проскакивали лукавые искорки, при том, в самой глубине его глаз.

– Стив, ты не прав. Он не всегда такой угрюмый, – пояснил мне хозяин. – Напускает на себя строгость, но на язык

злой. Это Стив Картер – известный журналист и телеведущий, а по совместительству мой друг детства. Вы его видели по телевизору?

– Я мало смотрю телевизор, особенно шоу.

– Это правильно, – поддержал меня Стив, – там веселого очень мало.

– Стив, как всегда очень подозрительно относиться к новым людям, или пытается таким казаться.

– А как иначе! Того и гляди ляпнут что-то глупое, а так хочется услышать умную, если уж не мысль, так хоть фразу и увидеть умное выражение лица. Смяться – это вообще редкость. Разве только над вами сенаторами. Вы порой такое скажете или такой принимаете закон, что остальной части населения остается только смеяться

– Или грустить, – заметил я.

– О! Вы умеете ловить мысль!

– Ну, что вы, я их только улавливаю.

– Нашли общий язык, – сделал вывод Фил.

– Договоримся, – и Стив протянул мне стакан с бурбоном.

– Потом обсудите, все, – Фил повернулся к женщине, сидящей слева: – Это моя жена Синди.

Синди была блондинкой, по возрасту лет на десять моложе Фила, привлекательна и свеселыми глазами, даже мелкие веснушки не портили ее.

– Александр Брукс, – мой коллега, сенатор, – указал он на мужчину сидящего справа, на вид лет сорока пяти, – а рядом

его жена, Дженнис.

Брукс не вставая, оценивающе посмотрел на меня снизу вверх и кивнул головой, в знак приветствия, но в этом кивке не было снисходительности, просто приветствие, я ответил тем же. Его жене было лет сорок, хорошая фигура, смуглое лицо, с короткой стрижкой черных волос.

– Со Стивом ты уже знаком, а рядом с Джессикой его жена – Марта. Как видите чисто дружеский вечер.

– Только я нарушил его, тем, что я один.

– А где ваша супруга? – спросила Синди.

– Таковой, нет, и никогда не было.

– Да вы что!

– Я вам сочувствую, Жан, – произнес Александр. Голос у него был мягкий и тихий. – Теперь вы для них объект номер один. Они будут пытаться исправить эту вашу ошибку.

– И что? – возразила Синди смеясь. – Мужчина вы интересный.

– Не сложилось, – пояснил я. – Может быть в этом и беда, что интересный. Не хотят теряться рядом со мной.

– Так их, Жан, – поддержал меня Стив.

– Мы вас познакомим с такой, которая не затеряется.

– Вы хотите лишить меня свободы передвижения? – улыбнулся я.

– Вы ей так дорожите?

– Это, то не многое, чем я еще могу дорожить.

– Абсолютной свободы не бывает,

– Пусть будет хотя бы относительная. Относительно женатых.

– Синди, отцепись от человека, – вступил Фил. – Женщины очень болезненно воспринимают холостого мужчину; видимо бояться, что вы плохо повлияете на женатых, поэтому его обязательно надо пристроить.

Я смотрел на гостей Фила, мне интересны были все, и не обращать внимания на них было бы не вежливо, поэтому я переводил взгляд, чтобы видеть реакцию всех на наш разговор. Меня занимал лишь один вопрос, случайно ли я оказался здесь? Или они?

– А пока еще есть время, пойдемте, Жан, посмотрим картины. Встретимся за обедом, – сообщил он остальным.

Мы направились к дому. Я проходил мимо картин, поднимался по лестнице, осматривая их. Произведения были не плохие, не шедевры, конечно, но достаточно приличные. Но мешало то, что не было системы. Вдоль лестницы висел авангардизм, я не против него, но чтобы я мог понять, а точнее почувствовать ее. Не важно, что чувствовал сам художник, когда писал ее, важно чтобы она вызывала положительные эмоции у того, кто смотрит. Фил, молча наблюдал за мной, не комментируя. Это была своего рода проверка, моих знаний. Обойдя все, я разместился на диване, Фил сел рядом.

– Не плохие картины, достойные, – и, я рассказал ему о школах, приверженцами которых были мастера.

– Мне их помогали приобретать, я прислушиваюсь к мне-

нию специалистов, но решаю, конечно, сам, по принципу, «нравиться – не нравиться».

– Разумно, но есть один недостаток. Они разных школ, разного стиля. Разместите их в разных комнатах. Это же не выставка дарований. Пусть будет какой-то один стиль. Или хотя бы на разных стенах.

– Здесь, я с вами соглашусь. Думал об этом, но как-то времени нет разобраться, как их лучше разместить. Вам доводилось заниматься размещением картин?

– Да такой опыт у меня был. Я же владел арт-салонем.

– Так вот откуда опыт! Это хорошо, что мы познакомились.

– Именно.

– А что бросили?

– Сменил направление деятельности и как видите место жительства, но интересоваться не перестал.

– Поможете раскидать их правильно?

– Да хоть сейчас, – и я высказал свое мнение, какую куда повесить. – Если будет интерес, то можно подобрать еще в Европе, каналы остались.

– Это мы тоже обсудим.

Потом мы обсуждали, что и кому нравится.

– Жан, Фил, – услышали мы голос Синди, – идемте обедать.

– Обедали мы на террасе, во внутреннем дворе, которую окружали заросли кустов. Солнце уже коснулось верхушек

деревьев, но еще освещало стену, к которой примыкала терраса. Меня посадили справа от хозяйки, напротив Брукса. После нескольких минут с начала обеда, Фил рассказал присутствующим о нашем разговоре и осмотре.

– Надеюсь, вы не против? – обратился он ко мне.

– В этом нет тайны.

– И что важно, бесплатно консультировали, – заметил Стив.

– Не все можно измерить денежными знаками, да и приятно иногда делать доброе от души, хотя подобные услуги стоят денег, но не в данном случае, – пояснил я Филу.

– Откуда вы знаете об искусстве так много? Изучали и все храните в памяти? – поинтересовалась Дженнис.

– Пока еще могу наскрести в своей памяти опыт прошлого, – отшутился я.

– А здесь тоже занимаетесь искусством? – спросила Марта.

– Увы, все в прошлом. Здесь я занимаюсь вопросами прогнозирования в области экономики, до политики еще дело не дошло, но все впереди.

– Ну, в этом у нас все специалисты, – пошутил Стив.

– В любом деле – экономике, политике, искусстве должна быть своя система. Художник редко пишет в разных жанрах. Должен быть стиль, чтобы он стал узнаваемым, стал известным.

– А вот это интересно, – заметила Синди. – Как становятся

известными?

– Лучше всего известность сформировать.

– Это как? Вы знаете?– спросил Брукс.

– Надеюсь, что да.

– Поделитесь?

– Не поделюсь, но свое мнение могу высказать. Нужно время, чтобы провести анализ, сделать выводы, принять решение по конкретному художнику, чтобы я мог порекомендовать или мне предложат посмотреть его работы. Найти специалиста по живописи, эдакого критика-рецензента, но авторитетного. Хотя каждый считает себя авторитетом в их среде. Итак. Обсудить с ним стиль, что вам ближе, затем посмотреть, кто из начинающих или немного известных заслуживает внимания по желаемому стилю, это чтобы не была откровенная халтура или подражание. Отобрать картины, купить их. Организовать выставку, не афишируя, что вы владелец. Дальше главное – формирование мнения. Специалист критик пишет статью в престижном журнале о художнике, его школе. Рецензент должен быть еще и борцом. Его мнение может не совпадать с другими, и на него могут начаться нападки. Он должен уметь защищаться, написав еще пару статей. Главное – проявить интерес к художнику. Статьи требуют финансирования. Как результат – подогревается интерес, и картины растут в цене, но выими уже владеете. Это ваш капитал, ваши вложения.

– Вы так делали? – спросил Фил.

– Так явно нет, не было необходимости, но интерес подогревал.

– У вас есть рецензент?

– Здесь нет. Вам лучше найти специалиста здесь, а вот если понадобится помощь, то порекомендую из Европы.

– Вы всегда так все раскладываете? Мне казалось, что в искусстве это не применимо, – сказал Александр, глядя на меня.

– Алекс, ты сейчас начнешь о работе. Потом, – попросила его жена.

Мы сменили тему на нейтральную. После обеда, за кофе, я сел в кресло около столика возле стены, ко мне подошел Александр и сев напротив, спросил?

– Вы давно занимаетесь прогнозированием?

– Несколько лет.

– И как успехи?

– Не жалуясь, но, как и любому, хочется более масштабного.

– Например?

– Более крупные компании.

Говорить о том, что мне в действительности интересно работать с теми, кто работает на правительство – глупость.

– А в Европе, что не сложилось?

– Там все хорошо, а сюда пригласил Майкл. Мне стало интересно, я одинок и почему бы не попробовать. Здесь другая культура, другие отношения.

– Вам нравятся американцы?

– Мне нравится ваш оптимизм, умение признавать ошибки, коих вы, впрочем, как и все, делаете не мало.

– Вы не делаете поспешных выводов?

– Нет, я пытаюсь реально взглянуть на положение со стороны, у меня еще свежий взгляд.

– И что увидели?

– Это уже предметный разговор, и здесь нужна информация для анализа.

– Вы со многими компаниями работали в Европе?

– На жизнь хватало. А с чего такой интерес?

– Я возглавляю комитет по работе европейского направления, ну еще бывает и близлежащие страны. Вы из Европы, знаете ее. В Африке бывали?

– Приходилось.

– Не плохо.

– Вы не ответили на мой вопрос?

– Я думаю, что вы можете представлять интерес, как специалист. Я выслушал ваше мнение по искусству и подумал, что стоит посоветоваться с коллегами о привлечении вас. Ваши знания и опыт могут пригодиться.

– Кому?

– Компаниям. Мы имеем к ним отношение, а они работают по всему миру.

– Интересно.

– Тогда, если будет необходимость встречи, то вам позво-

нят.

– Звоните.

– Хорошо, а пока не будем касаться тем работы на отдыхе, поэтому и хочу отдохнуть.

7

Ночь прошла спокойно, спал я крепко, а комната, что мне отвели, понравилась, она была комфортной хоть и была не большой: кровать, шкаф для одежды, столик с зеркалом и туалет с умывальником.

Когда я часов в девять спустился на террасу, то там уже сидел Стив и пил кофе.

– Присоединяйтесь, в этом доме нет общего завтрака, утро у всех наступает по-разному.

– Ясно, когда проснулся тогда и утро.

– Именно, – улыбнулся он. – Мое началось давно, наливайте кофе, еще не остыл.

Я налил себе кофе, намазал тост маслом.

– Рано просыпаюсь, хоть и ложусь поздно, передачи обычно идут вечером.

– Но вам же это нравится.

– Конечно, иначе ушел бы давно. Но специфика работы накладывает свой отпечаток, даже на лице.

– Твоя специфика тебя доконает, отдохнуть нужно, – раздался от двериголос Филя. Он подошел к столу и сел рядом со мной. Принесли свежий кофе.

– А где остальные? – спросил Стив.

– Есть захотят, придут.

Вскоре к нам присоединились остальные. Разговор велся на нейтральные темы. Около полудня я стал собираться в обратный путь.

– Жаль, что рано уезжаете, – сказал Фил. – Но я думаю, еще увидимся, вы не откажетесь встретиться со мной и еще кое с кем из искусствоведов.

– Буду рад новым знакомствам.

– Вы были в Вашингтоне? Нет, – отреагировал он, когда я отрицательно покачал головой. – Тогда договоримся о встрече там.

– Про меня не забудьте. Вы интересный собеседник, – подал голос Стив.

– Ну, как я вас могу забыть.

Я вообще никого не собирался забывать. Стив мог быть полезен, общался он на самом верху, умен и может масштабно мыслить, скажем, континентально. Брукс на прощание пожелал удачной дороги, а женщины поведали, что теперь они тоже будут рады меня видеть.

– Конечно, теперь у вас есть дело – лишить человека свободной жизни. Почему вам так плохо, когда мужчине хорошо? – заявил Стив.

Машина отвезла меня до станции, и к вечеру я был дома. Майклу я не говорил, где и с кем буду проводить выходные, а то еще будет, мучатся и плохо спать от ожидания чуда. Чуда

я не ждал, а он да.

На другой день началась обычная текущая работа. Я не ждал звонка от Брукса быстро, не тот уровень. Если даже они вскользь обсудили меня, то вопросы, которыми он занимался, не позволяли вот так просто привлекать человека к сотрудничеству, не проверив его, а уж тем более иностранца. Пусть проверяют. За свои документы я был спокоен – столько лет являюсь гражданином Франции, диплом тоже подлинный, а некоторые временные выпадения из бизнеса, если понадобится я смогу объяснить.

Прошло около месяца, и мне позвонила Кейт, я тогда находился у заказчика в фармацевтической компании, и сообщила, что меня просят позвонить в Вашингтон в приемную сенатора Брукса. Я записал телефон, но звонить не стал, с чужого телефона этого делать не надо, и только на другой день из офиса я набрал переданный мне номер. Услышав женский голос, который известил меня, куда я звоню, назвал себя и через минуту меня соединили с Бруксом.

– Спасибо, что позвонили. Как у вас загрузка?

– Хватает.

– Вы могли бы приехать ко мне.

– Послезавтра.

– Хорошо, тогда жду вас к 14-00. Пропуск будет заказан.

Короткий сдержанный разговор. Когда появился Майкл, с утра он принимал экзамены в университете, я известил его, что еду в Вашингтон.

– Ну, вот и дождались, – радостно сделал он вывод. – А к кому? – И когда узнал, кто меня ждет, потер руки. – Все, Жан, начинается клев. Рыба пошла крупная.

– Не радуйся раньше времени.

– Ну, да, будут они просто так время терять на тебя, значит, есть что-то у них на примете.

Я был согласен с Майклом, но промолчал. Если пригласили, значит, планы у них уже есть, вот только насколько реальны. Я перенес назначенные встречи, и на другой день после обеда выехал в Вашингтон. Кейт заказала гостиницу, не далеко от Конгресса. Я счел нужным приехать раньше, выспаться.

В назначенное время я был в приемной сенатора и меня сразу провели в его кабинет, в котором кроме него было еще двое. Он представил меня им, но их представлять не стал. Ну, нет, так нет, – подумал я. Один был небольшого роста, плотного телосложения, другой ничем примечательным не выделялся, так средний внешний вид. Но я отметил его цепкий взгляд. После обмена дежурными любезностями, я разместился за столом, напротив них, и Брукс спросил:

– Мы обсудили возможность вашего участия, как консультанта по некоторым вопросам, что могут представлять интерес для компаний, ведущих бизнес в Европе и Азии. Вы недавно в Америке и у вас свежий взгляд, как говориться не замыленный. Я уже спрашивал, но, повторите, сколько лет вы занимаетесь прогнозированием?

– Около двух лет.

– Не много для серьезной работы. А раньше, чем занимались?

– Давайте говорить откровенно, насколько это возможно. Вы наверняка навели обо мне справки. Но ответчу. У меня был разный бизнес, но мой опыт жизни и ведения бизнеса, позволил мне быстро адаптироваться в этом направлении и набрать ту весовую категорию, которую я сейчас имею. У меня есть отзывы о некоторых европейских компаний.

Брукс улыбнулся: – Возможно, вы правы.

– Оставим возможность для других.

– В каких странах работали? – спросил плотный.

– Это, смотря по каким вопросам. Работал в разных, но если вы имеете ввиду по текущей работе, то в близлежащих от Испании.

– Знаете языки?

– Несколько, без них трудно. Я от природы способный.

– И самоуверенный.

– Уверенный, если быть точнее.

– Хорошо, – снова вступил Брукс. – Коротко можете сказать о действиях США и ее отношении к другим. Интересно ваше мнение.

– Вы хотите, чтобы я сказал, что вам будет приятно услышать или то, что я думаю?

– А есть разница?

– Конечно. Приятно для вас, чтобы положительно оцени-

вать ваши действия, и как следствие получить выгодный заказ. Я зарабатываю деньги. А что думаю, может вам не понравиться.

– А вы попытайтесь объединить.

– Не получится. По двум причинам. Первая – я дорожу своей репутацией и вторая – меня не сильно беспокоит потеря потенциальных денег. На жизнь мне хватает. Они лишними не бывают, но я не ставлю все на кон ради них. Что касается моего мнения. Ваш принцип «разделяй и властвуй» требует больших финансовых затрат. Вы считаете, что продать свои интересы легче договариваясь с мелкими странами и слабыми, забывая, что договариваться придется с большим числом, что сложнее.

– Мы не собираемся договариваться.

– Куда вы денетесь. Везде же не пошлешь танки и самолеты. Надо оценивать перспективу развития ситуации в регионе, что вас интересует. Вы, конечно, это делаете, даже не сомневаюсь, но у вас много ошибок. Вы, порой, создавая хаос, пытаетесь им управлять, а хаосом управлять нельзя. Нельзя получить быструю выгоду, без ущерба для себя в будущем. Как бы высокопарно не звучало «будущее – в настоящем». Интересно? – спросил я в конце.

– Пока не очень, – выдавил из плотный.

– Так вот, это конечно не берд, но что-то похожее, – улыбнулся я. – Я не думаю, что вы всегда, подчеркиваю всегда, настаиваете, чтобы все делалось, по-вашему, что вы порой

так простодушны и наивны. Да, ваш народ дружелюбен, я говорю о простом народе, иногда кажущийся беззаботным, чрезмерно разговорчивым.

– А вот это уже интереснее.

– Конечно. Только наивные думают, что вы не просчитываете свои решения и поступки. Не может страна достичь мощи на простоте. Да, вы не единственная страна в этом мире и вынуждены считаться с мнением других. Конечно, если вам очень уж хочется потрясти мир, то и силу стараетесь показать, но во главе всего стоит расчет, стоят деньги. Я когда работаю, прорабатываю несколько вариантов, потому как если один начнет буксовать, то надо делать корректировку. Я иногда не понимаю ваших действий, как и ваших компаний. Но, чтобы разговаривать предметно, надо знать цель, и думать, как ее достичь. В компаниях свои правила игры, здесь шаблонов нет, поэтому у меня есть работа.

Я замолчал. Мои собеседники сидели и внимательно слушали меня. Ничего нового я им не открыл, им важно было на меня посмотреть, почувствовать, узнать ход моих мыслей, умение говорить, логически мыслить. Узнать, что я могу можно только на деле.

– Я предлагаю сейчас взять тайм-аут, – нарушил молчание Брукс. – Скоро начнется сезон отпусков. Мы еще обсудим, и если придем к согласию, то вам позвонят компании, но принимать решение будут они, привлекать вас к сотрудничеству или нет.

– Это я понимаю, но также и понимаю, что многое зависит от вас, как преподнести.

На этом наша встреча закончилась, четвертый ее участник так и не сказал ни слова. Интересный субъект.

– Что скажете? – спросил Брукс.

– Субъект интересный, но мне он интересен в другой области, – произнес тот, что сидел во время разговора, молча.

– Это понятно. Вот и посмотрим.

– Можно привлечь, не допуская до главного. Свежий взгляд полезен, а он как я понял, бывал там, где у нас есть интересы.

– Значит, пусть поработает. Выждем немного, а потом пусть поступит предложение.

– Смущает то, что он быстро входит в контакт и не боится говорить прямо, – с сомнением произнес непримечательный.

– Это твоя работа во всех сомневаться, – ответил Брукс. – Ты же проверял его. А что говорит прямо, так он имеет право, чего ему бояться?

– Проверял, чист. Даже знакомство с Филом случайно. Не люблю я случайности, но факт есть факт.

В тот же день я вернулся в Нью-Йорк. Было уже поздно, и я проехал домой. Войдя в квартиру, принял душ, включил кондиционер, так как за день квартира прогрелась, достал из

бара мартини, налив на два пальца в стакан и положив в него кубик льда, сел в кресло.

Итак, первый реальный контакт состоялся. Теперь надо было снова ждать, хотя вероятность продолжения велика. У них были свои первоклассные специалисты, но Брукс был прав, что работая в одном направлении постоянно, перестаешь замечать мелочи, чего я себе позволить не мог. Я всегда внимательно слушал, замечая взгляды, жесты. Мне постоянно приходится анализировать все и всех, чтобы не потерять нить, при этом, не раскрывая себя, не задавая лишних вопросов, понять суть.

На другой день я рассказал Майклу о результатах встречи; он все понял и мы включились в рабочие будни.

8

Лето заканчивалось. Последние его дни были чудесными – тихими и спокойными. Над городом кротко сияло лазурное небо. Я ежедневно, еще с весны, по утрам гулял в парке, иногда даже и вечером. Я приучал возможных наблюдателей к своим привычкам, чтобы притупилось зрение. Гуляя, встречал часто одних и тех же лиц, с которыми даже стал здороваться. У меня были любимые места, где иногда сидел на скамейке, любуясь природой. Золотые краски покрыли кроны деревьев, и только когда придут первые морозы, их яркость померкнет, и время наложит свой тоскливый отпечаток на природу. Пока еще этого не было – я наслаждался.

За время, прошедшее со времени встречи с Бруксом, я съездил на неделю отдохнуть на океан. Не могу сказать, что я бездействовал, я собирал информацию о компаниях, людях. Общался строго по текущей работе. Привлекать даже потенциального человека к сотрудничеству не входило в мои обязанности, для этого существуют другие, на основании моих данных. Моя основная задача была – информация. Потенциальных носителей секретных материалов я выделял особо. Я начал работать и накапливая передавать информацию.

По устоявшейся привычке я дома ничего не хранил. Иногда посещал библиотеку, где на компьютере зашифровывал данные и отправлял, при этом не работал с одного и того же. Письма были обычные, никакой аббревиатуры. Ее наличие привлекает внимание. Просто переставлял слова, предложения и кто мог, тот понимал смысл. Иногда передавал записи через тайник. В этом случае я делал записи дома, но всегда их тут же убирал в магнитный контейнер и оставлял в нужном месте. Лично с курьерами не встречался. Личный контакт – слабое звено разведчика, каждый может притащить хвост и подставить другого «не засвеченного». Пустые контейнеры, которые я забирал, были безобидны. Обычная система безличных контактов с использованием тайников. Тайники были не только в парке, но и в крупных универмагах. Я, как и во Франции, имел несколько тайников и иногда оставлял информацию, в каком месте лежат данные.

И вот в один из дней мне позвонила Синди – жена Филадельфия,

и пригласила к ним в загородный дом.

– Что за повод?

– Лето заканчивается, – грустно произнесла она

– Но наступает замечательная осень.

– Вот и разберемся. Так вы приедете?

– С удовольствием. Не присылайте машину, я от станции доберусь сам.

– Тогда ждем вас в субботу с утра.

Ну что же, подумал я, когда разговор был закончен, лишними подобные встречи не бывают.

В субботу от вокзала я добрался на такси до усадьбы Моррисов. Едва машина подъехала, как дверь открылась и на пороге возникла Синди.

– Очень приятно, что вы выполнили мой маленький каприз и приехали.

– Такие капризы выполнять приятно.

Обменявшись любезностями, она попросила отнести служащего мои вещи в ту же комнату, где я и был раньше, а меня пригласила на веранду. Когда мы вошли, то на веранде, кроме известных мне лиц: Стива и его жены Марты, сидела еще одна женщина.

– Познакомьтесь – это Жан. Вы знаете всех, – обратилась она ко мне, – кроме Риты. Это наша подруга.

Теперь я понял, что меня пригласили для знакомства. Ну как же! Мужчина и один, не порядок. Интересно, они долго подбирали кандидатуру или меня для нее? Судя по ее лицу,

она тоже не знала, что будет приглашен мужчина, и все это промелькнуло в одно мгновение, но я успел его поймать. Рита сидела в плетеном кресле, но я заметил, что ростом она была не маленькая. На вид ей можно было дать от тридцати до сорока; когда она улыбнулась, то легкие морщинки сообщали, что она старше, чем когда лицо было спокойным. Уже потом я узнал, что ей тридцать семь. У нее были волнистые каштановые волосы, свободно спадающие на плечи, легкий загар, карие большие глаза, чувственные губы, высокая грудь под тонкой кофтой. Джинсы обтягивали ее ноги, и даже не знатоку было понятно, что они стройные. Во всяком случае, можно смело сказать, что такую женщину мужчины замечают сразу, хотя мужчины всегда обращают внимание на крайности: либо красота, либо уродство, среднего они не видят.

– Будем знакомы, – произнес я, и расположился в кресле напротив нее. – А где Фил?

– Он на работе, но скоро будет, – ответила Синди. – Кстати, Жан, а как ваша фамилия?

– Марше.

– Она как-то переводиться?

– Рынок.

– Ого! И что там на этом рынке? – смеясь, спросил Стив.

– У меня контрабандный рынок, – придав голосу таинственность, сообщил я им. – Там есть почти все.

– Почему почти?

– Душа все не вмещает.

– А любовь там есть? – спросила Марта.

Я вздохнул: – Любовь товар штучный, ее купить нельзя.

– А продать? – задал вопрос Стив.

– Не знаю, – ответил я, смеясь. – Никто не предлагал.

– А если предложат?

– Так ведь чтобы что-то продать, надо это иметь. Но я плохой торговец, даже если и будет не смогу продать.

– Это кто тут не умеет продавать? – услышали мы голос Фила. Он стоял возле двери.

– Да вот, Жан, говорит, что плохой торговец, – сообщила ему Синди.

– Это он плохой! Не уверен. Свои мозги он очень даже неплохо продает.

– Извини, Фил, уточнение. Мозги на вынос не продаю, только мысли. А вообще разговор шел о любви.

– Ну, тогда этот товар может прийти в негодность со временем. Ты как считаешь, Джесси? – обратился он к жене Брукса, которая стояла сзади него вместе с мужем.

– Ну что вы стоите, проходите, – не дала ответить ей, предложила Синди.

Они прошли и расселись на свободные кресла.

– Я считаю, что если товар испортился, то он с самого начала был негодный, с гнильцой. Как думаешь, Рита?

До этого Рита не вступала в разговор, и с интересом слушала диалог.

– Ну, если ты имеешь ввиду мой опыт замужества, то со-

глашусь, -улыбнулась она, детской приветливой улыбкой, но глаза смотрели на меня.

– Рита, а почему ты, отвечая, смотришь на Жана? – ехидно спросил Стив.

– Не старайся Стив, не покраснею от твоего вопроса, не на шоу. А смотрю потому, как разговор зашел о рынке любви.

– Ну да, сейчас мы договоримся, о цене. Если есть спрос, значит должно быть и предложение.

– Хватит. Иначе залезем в болото, из которого не выберемся, – предложила Синди. – Так почему бокалы пустые? Фил!

– Да, что-то увлеклись темой. Жан что будете?

– В прошлый раз пил бурбон, но мой любимый напиток красный мартини.

– Все свои, ухаживайте за собой и дамами сами, – предложил Фил.

Я посмотрел на Риту, понимая, что должен уделить ей внимание, и делать это мне было приятно.

– А вы что будете?

– Тоже что и вы.

– Предлагаю перейти на «ты».

– Хорошо.

Минут пять все занимались наполнением бокалов.

– Держи, Александр, – обратился Фил к Бруксу, – а то сидишь задумчивый, весь в делах. Дела не уйдут.

Брукс действительно сидел задумчивый, и я не был уве-

рен, что он вообще слышал наш разговор. Александр взял стакан с виски и кивнул в знак благодарности.

– Верно, Фил. Дела не уйдут, но это пока их не решишь. Куда же мне мысли деть?

– Да загони их куда-нибудь.

Я третий раз видел Брукса, но никак не мог найти с ним общий язык. Мой опыт помог мне иметь много ключей, чтобы открыть человека, но вот в этот раз такого ключа у меня не было.

– Он вообще в последнее время весь в думах, – пожаловалась Джессика. – Ладно, хоть пошел мне навстречу и приехал сюда.

– Ну что ты такое говоришь, – ответил он. – Всегда есть сложности, но извини, дорогая, я постараюсь исправиться.

– Надолго ли, – вздохнула Джессика.

– Так, что сидим? Предлагаю развлечься и пойти пострелять по тарелкам, – предложил Фил. – У меня есть замечательная машинка. Иногда практикуюсь.

– Что в воздух палить, – проворчал Стив.

– Ну не по людям же? Пошли, пошли.

Фил позвал своего служащего, и тот быстро все организовал. Зрители разместились в двух шагах от стреляющего. Первым стрелял Фил, и надо отметить не плохо, больше попаданий, чем промахов. Затем он отдал ружье Бруксу, тот не стал отказываться, так как обещал жене на время забыть о работе. Стрелял он тоже прилично.

– Что значит опыт, – похвалил Стив.

– Ну, теперь ты, – протянул он ему ружье. Стив вздохнул и приступил. Стрелял он отвратительно, ни разу не попал.

– Это тебе не языком работать, – съязвил Брукс, – тут зоркий глаз нужен и твердая рука.

– Это вы там у себя языками работаете, а руку набили, ставя подписи, – парировал Стив.

– Жан, попробуйте? – предложил Фил.

– Если можно потом.

– Дай мне, – заявила Синди. Стрелять она не умела, но важен был процесс и реплики зрителей. Отстрелялись все женщины не важно, кроме Риты, она пару раз попала.

– Ну, теперь вы покажите нам, как стреляют европейцы, – подал мне ружье Фил.

Отказываться было нельзя. Промазать я не мог, учитывая, что Брукс и Моррис знали технику стрельбы и сразу бы заметили, чтоя нарочно. Я взял ружье – это была вертикальная двустволка. Прикинув ее на вес, я поводил ей, по направлению предполагаемого движения тарелок. Когда определился, то кивнул служащему. Еще раньше, когда стреляли другие, я определил время задержки. Первый выстрел был пустой, я пристреливался. Но потом, тарелка вылетела и, не долетев до максимума высоты, разлетелась. Сзади я услышал одобрителные возгласы. Так было еще пару раз, а потом я разбил тарелку уже почти на выходе из машинки. Опустив ружье, я оглянулся.

– У вас почти нет мертвой зоны, – констатировал Фил. – Реакция мгновенная, а дабл-трэп знаете что такое?

– Мишени, летящие параллельно и подаются одновременно.

– Сможете?

– Попробую.

Я попал оба раза.

– Не хотел бы я вызвать вас на дуэль, – заметил Стив. – Легче самому сразу застрелиться.

– Жан, вы поражаете. Занимаетесь бизнесом и не плохо, как полагаю, разбираетесь в искусстве, отлично стреляете. У вас есть недостатки? – спросила Синди восхищенно.

– Конечно, есть, иначе был бы женат.

– Не думаете, их у женатых мужчин так много, но, к сожалению, об этом узнаешь только после замужества.

– Какие бы у него не были недостатки, у него отсутствует главный – глупость, она в их число не входит.

– Продолжайте, Стив, – попросил я его.

Все засмеялись, а Фил спросил:

– Где вы так научились стрелять?

– Еще в юности любил стрелять, но не брал в руки оружие давно, думал разучился, но руки помнят.

Не говорить же им, что стрельбе «флэш» меня учил испанский террорист Мигель. Реакция у меня уже была не та, но опыт еще не пропал.

Я отдал ружье служащему и снова все направились к ве-

ранде. Рядом со мной шел Александр Брукс. Я еще раньше заметил его внимательный взгляд, когда повернулся после стрельбы, но он тогда промолчал.

– Удивлены? Вызываю подозрения? – поинтересовался я.

– Почему так решили?

– Заметил ваш взгляд

– Теперь уже нет.

– Почему теперь?

– Способность анализа, принятие разумных решений. Для этого надо иметь твердый и спокойный характер, который позволяет сконцентрировать внимание на нужном вопросе или объекте. Вы же даете консультации взвешивая, продумывая.

– Наводили справки?

– А вы как думаете?

– Я не думаю, я размышляю. Но в моих рекомендациях я придерживаюсь правила: высказывать мнение на возможное развитие событий, а решения принимает заказчик.

– Страхуетесь?

– Нет, но я всегда готов подключиться и помочь, если развитие ситуации вдруг пошло иным путем. Я не Бог. Это он создал мир и определяет ход развития событий, я только умею думать, за что благодарен ему, но не могу думать за него, а уж тем более спрашивать. Все равно не ответит.

– Это верно.

– А хотелось бы?

– Конечно, а вам нет?

– Нет. Если ответит, то я становлюсь ему обязан, а я не хочу.

– Что никому ничем не обязаны? – удивился Брукс.

– Ну что вы, но свои обязательства я еще могу выполнять перед людьми, а вот перед ним – вопрос. Кто знает, что он захочет

– Он бескорыстен.

– Надеюсь, что так, только почему порой столько жертв бывает в мире. Судя по вашему направлению работы, вам приходится искать компромиссы, чтобы избежать жертв, когда сталкиваются интересы компаний на чужой территории, а за их спинами стоят государства.

– Именно так, я не сторонник жестких мер.

Мы уже подходили к террасе. Впереди рядом с Джесс шла Рита, и я мог по достоинству оценить ее фигуру. Брукс поймал мой взгляд и произнес:

– Красивая женщина.

– Красивая, – согласился я, – но надо ли все это было делать.

– Догадались? – ухмыльнулся он.

– Обижаете, я еще могу думать. Думаю, она тоже поняла, для чего нас обоих пригласили.

– Наших женщин не переделать.

– Да и не надо, постоянство хорошо, но иногда утомляет, как вас, например.

Мы уже вошли на террасу и сели рядом.

– Это как понимать?

– Сейчас вы другой, а вот раньше были молчаливы. При-
сматривались?

– Нет, но ближе общаюсь с человеком, когда его больше и
лучше знаю.

– Узнали?

– Нет, конечно, но сегодня увидел твердую руку мужчи-
ны. Я думаю, что мы сможем найти общий язык в разумных
пределах.

– Пределы установите сами, а я постараюсь понять.

– Вот потому и возможно, что вы еще способны понимать
и можете предлагать не стандартные решения.

– Вы знаете больше, чем надо, но меня это не беспокоит.

– Всегда?

– Почти. Вы же не поверите в утвердительный ответ.

Брукс засмеялся: – Это верно.

В это время нас позвали обедать. Мое место, разумеется,
оказалось рядом с Ритой. Когда все расселись, то я наклони-
лся к ней:

– Раз мы здесь оба поодиночке, то предлагаю после обеда
погулять.

Она повернулась ко мне: – Ты хочешь поведать мне о сво-
ем богатом душевном мире?

– Боже упаси! Это ужасно скучно, я не могу принести тебя
в жертву своему эгоизму и нарсицизму.

– С чего такая щедрость?

– Жаль красоту, кто тогда будет спасать мир.

– Договорились, -улыбнулась она уголками губ, – иначе мир рухнет.

– Лучше к твоим ногам.

Обед прошел в общей беседе. Стив иногда рассказывал случаи из шоу, которые остались за кадром. После обеда мы с Ритой пошли по лужайке к лесу. Я понимал, что надо что-то рассказывать, развлекать, искать общие точки интересов. Так потихоньку разговорились. Я узнал, что она разведена, у нее есть дочь, работает в рекламном агентстве, но материально обеспечена за счет отца, у которого приличный бизнес. Я так и предполагал, иначе как бы она попала в этот круг. Это я сыграл на интересе. О себе же поведал, чем занимаюсь, чем увлекаюсь.

– Теперь понятно, почему ты вхож сюда.

– Почему?

– Фил интересуется искусством, а где он найдет бесплатного специалиста.

– Я на него не работаю.

– Но не отказываешь в консультации

– Это было один раз.

– Ему хватило и одного раза, чтобы понять, что ты ему интересен. Ты недавно в Америке, и возможно не понял, что здесь отношения строятся на интересах, выгоде.

– Так везде.

– Здесь это особенно явно. Отношения мужчин и женщин не исключение. Женщины оценивают мужчин с точки зрения крепости стояния на ногах. Душевное присутствует, но не так часто.

– Неужели так плохо? – засмеялся я.

– Не совсем. Кстати, если ты найдешь с Филом и Александром общие интересы, то у тебя хорошие перспективы в работе. Надолго приехал?

– Как получиться, меня ничто и никто не держит.

– Это плохо.

– Это с какой стороны смотреть. Но это моя жизнь, я к ней привык, а менять привычки, – пожал плечами, – не факт, что будет лучше. Так, я хотя бы знаю, что ожидать.

– И здесь прогноз? Нельзя жить по расписанию.

– Согласен, но в моей жизни много экспериментов, так что размеренной ее не назову.

Пока мы шли по лесу, Рита собирала букет из листьев, в чем я ей помогал, подбирая цвета.

– Ты и в этом разбираешься.

– Я увлекался китайским искусством, хотя это ближе к японскому.

– Ты страшный человек!

– Я знаю, потому и один.

– Теперь верю, – подарила она мне улыбку.

Когда мы вернулись, то все сидели в библиотеке: кто читал, кто играл в карты, Джесс сидела за фортепьяно. Увидев

букет из листьев, Синди восхитилась:

– Какая красота, давай поставлю в вазу. Я не удивлюсь, если Жан приложил к этому руку.

– Ты права, Синди, его руками и был собран букет.

– Если ты будешь так меня хвалить, то я начну думать, что у меня действительно нет недостатков.

– Не обольщайся, Жан, – произнес с усмешкой Стив. – Если их у тебя нет, то женщины их придумают.

– Спасибо, Стив, это несколько успокоило меня.

– Не суди по себе, – заметила Марта. – Тебе их даже придумывать не надо.

– Дорогая, я забочусь о тебе, чтобы ты не напрягалась, отыскивая их.

Так разговор шел в шуточной форме. Затем Фил пригласил меня в кабинет, где мы обсудили вопросы по картинам. В дальнейшем несколько раз я встречался с его знакомым искусствоведом, что и вылилось в конечном итоге в частную коллекцию.

Уже ложась спать, я анализировал уходящий день. Он был очень полезен, особенно более близкое знакомство с Бруксом радовало. Доверять он мне полностью не будет, но важно, что пошел на контакт в общении, а значит можно не сомневаться, что предложения от компаний будут. Я также надеюсь, что в общении с ним или его представителем, по работе можно будет получать информацию, хотя напрямую передавать ее в Центр было опасно, так как их разведка не дремлет

и можно попасть под подозрение первым. Я мог передавать направления деятельности для других, чтобы они разрабатывали тему, но не исключал возможных аварийных ситуаций.

На другое утро, когда спустился к завтраку, то обнаружил, что Брукса нет.

– Он уехал, – пояснила Джесс. – Что-то там на работе. Он просил извиниться перед всеми.

Если в выходные такая необходимость, значит что-то серьезное. Какая у него проблема? Тогда этот вопрос интересовал меня мельком, но вскоре я стал участником событий.

После обеда Рита спросила меня:– Ты приехал на поезде? – и, не дождавшись ответа, предложила: – Могу подвезти тебя до Нью-Йорка.

– Я даже не буду сопротивляться.

– Только в этом случае?

– Когда нет насилия.

– Не будет.

Она нравилась мне, и я не видел повода отказываться от дальнейшего общения. По дороге домой, я поинтересовался:

– Ты поняла, почему я был здесь?

– Конечно, – усмехнулась она, – как и я. Я бываю у них, но в этот раз они меня уговаривали, так как обычно я воскресенье провожу с дочерью.

– Не жалеешь?

– Пока не о чем.

Она подвезла меня до дома. Мы договорились о встрече в

следующую пятницу. Так в моей жизни появилась женщина.

9

После выходных прошло несколько дней, осень вступила в свои права. Дни выдались солнечные, и голубое небо ласково накрыло город. Теплые лучи, которые еще продолжали согревать гнали на улицу, чтобы продлить очарование перед дождями. Я ходил в Центральный парк, прогуливался среди деревьев, сидел на скамейках.

В один из дней я работал в офисе, готовя анализ для одного из заказчиков. Кейт принесла мне кофе, и я с чашкой подошел к окну, глядя на город. Внизу бурлила жизнь. Из задумчивости меня вывел звонок.

– Жан, с вами хочет поговорить вице-президент компании «Метроном», – сообщила мне Кейт.

– Жаль, что не президент, ну что делать соединяй, – и после непродолжительной паузы, я услышал.

– Добрый день, господин Марше. Меня зовут Райт Кларк, ваш телефон мне сообщили из аппарата сенатора Брукса. Вы его знаете?

– Знакомы.

– Он порекомендовал вас. Мы хотим предложить вам сотрудничество, но обсудить хотелось бы не по телефону.

– Хорошо, давайте встретимся.

– Завтра в одиннадцать вас устроит?

– Договорились.

Он сообщил, как их найти и мы попрощались. Положив трубку, я вышел и зашел в кабинет к Майклу. Тот сидел, взявшись за голову, и смотрел на бумаги, что лежали на столе.

– Стараешься удержать мысли, чтобы не разлетелись? – поинтересовался я, присаживаясь за стол напротив.

– Да куда они денутся. Читаю работы студентов.

– А когда работать будем?

– Ты что, серьезно? – оторвал он взгляд от бумаг.

– Шучу, не обижайся, но есть интересное предложение.

Завтра приглашают в «Метроном» для переговоров о сотрудничестве.

– Да ты что! Это серьезное предложение.

– Поедем вместе, ты же директор.

Обсудив план ведения переговоров, я ушел к себе заканчивать работу, а вечером попросил Кейт отправить отчет, а также сообщил, что завтра нас с Майклом утром не будет.

На другое утро Майкл заехал за мной, и мы отправились на встречу. По дороге Майкл мне сообщил, что поступило еще два предложения, встречи перенесли на послезавтра.

– Ну, вот процесс пошел. Я думаю можно расширяться, – предложил я ему.

– Согласен, у меня есть на примете люди.

– Вот и приглашай, посмотрим. Чем быстрее, тем лучше, а то завалим дело.

Когда мы вошли во внушительных размеров приемную

вице-президента, то очаровательная секретарша, едва мы назвали себя, провела нас к двери, где табличка извещала о ее хозяйине.

Вице-президент, при нашем появлении поднялся из-за стола и, обойдя его поздоровался. Был он низкорослым, худощавым, с редкой шевелюрой на голове, маленькие глазки смотрели жестко, оценивающе. Не очень мы ему были и нужны.

Он пригласил нас за стол, куда вскоре принесли кофе.

– Чтобы не задерживаться, сразу к делу, – предложил он. – У нас в работе всегда много дел, мы занимаемся комплектованием оборудования, материалов для компаний ведущих бизнес в разных частях света. Не везде спокойно, как хотелось бы, вот нам и приходится держать руку на пульсе, чтобы просчитывать варианты развития событий в этих странах. Со стороны правительства имеется поддержка компаний, обеспечивая им некоторую безопасность, по мере возможности. Мы тоже активно работаем в этом направлении.

Конечно, подумал я про себя. Вы готовите эту информацию, а вам ее для анализа предоставляют те, кто на местах. Вы предлагаете решение вопроса для правительственных органов, а они его претворяют. Это как разведка – знать раньше, что будет предпринято в том, или ином регионе, а если надо то подкорректировать, чтобы события шли в нужном направлении. Одними расчетами здесь не обойтись, нужны люди знакомые с положением. Все это проносилось у меня в

голове, пока Райт проводил краткий экскурс.

– Так вот. У нас заказчики, которых интересует Европа, и Восток. Вам приходилось иметь дела на Востоке, Азии?

Вопрос был поставлен в общем, но я его понял. Это мог быть любой регион. Говорить о Китае и некоторых других регионах, я не хотел, поэтому ответил.

– Я бывал на Ближнем Востоке, и мне довелось общаться с бизнесменами, ну, а Европа – родина.

– Вот это нам и интересно. – Райт посмотрел на меня более внимательно. По его взгляду трудно было понять, как он оценил ответ. – Вы знаете регион не понаслышке, и сможете, возможно, помочь.

– Если смогу, буду рад.

– Тогда надо обсудить условия сотрудничества.

– Это с Майклом, он у нас директор, я не вмешиваюсь в этот процесс.

Майкл до этого сидел молча, слушая нас.

– Я предлагаю обсудить вам финансовую сторону сотрудничества, а я бы хотел познакомиться с материалами.

Теперь я начал догадываться, почему все так быстро идет. Райт поднял трубку и вызвал начальника отдела по фамилии Мур. Когда тот пришел, то я оставил Майкла, а вместе с Муром спустился с шестого этажа на третий, в отдел. В отделе работало человек двадцать.

– Здесь у нас происходит накопление и обработка информации, которая потом поступает наверх, – сообщил мне

Мур. При нашем появлении, сотрудники повернули головы, оторвавшись от своих дел, и с интересом рассматривали меня. На фразу начальника, один из мужчин, сидящий близко от входа сказал:

– Здесь происходит отстой мыслей. Они стекаются к нам, мы их выдерживаем, пытаюсь превратить в хорошее вино, а затем они стекают на бумагу, которую мы подаем наверх. Начальство не может пить плохие не выдержанные вина.

– Важно чтобы он не превратилось в уксус, – парировал я.

– Помолчи, – прервал его попытку ответить, Мур. – Я представляю вам специалиста – консультанта – Жан Марше. Он будет нам помогать по регионам Ближнего Востока и Северной Африки.

– Француз! – снова подал реплику мужчина, – значит, знает толк в винах.

– Не обращайтесь внимания, – сказал Мур.

– Я не обижаюсь, нам предстоит общение, а строить его на обидах глупо.

– Мы будем привлекать вас на разных стадиях.

Я смотрел на эти лица, которые не отражали желания общения по вопросам работы. Это было естественно, они работали, а тут вдруг приводят человека, иностранца, который будет учить их жить. Интересно, есть среди них наш агент.

– Пойдемте, я покажу вам, где вы будете располагаться, – и мы с Муром вышли в коридор. Кабинет, был рядом, был он не большим на два стола, около входа стоял шкаф для

одежды, по другую сторону шкафа для документов.

– Вам, возможно, придется общаться и с другими отделами, но все это с разрешения вице-президента.

– Я понимаю, если у меня будут вопросы, то адресую их вам, а вы решите что делать.

– Хорошо, – с облегчением произнес он, так как боялся, что все будет идти мимо него.

Мур кратко ввел меня в тему вопроса и поинтересовался, когда я смогу приступить.

– Я буду не каждый день, вам этого не надо, что мешать, но давайте завтра посмотрим, что у вас есть.

Он согласился и мы попрощались. Когда я вышел из здания, меня уже ждал Майкл.

– Финансовый вопрос решили. А ты?

– Завтра начну.

– А встречи?

– Придется тебе самому, возьми с собой потенциального сотрудника. Я думаю, что сейчас надо себя зарекомендовать здесь. Потом подключусь к другим компаниям.

Не мог же я мог сказать, что именно «Метроном» представляет для меня интерес, хотел бы узнать, кто агент.

Информацию мне предоставили, но я обратил внимание на то, что сотрудники мало владеют данными. На мой недоуменный вопрос: – А как вы делаете анализ?

Мур ответил: – Увы, в последнее время информации к нам поступает все меньше. Почему, я не знаю, вот все и нерв-

ничают.

Мое общение с сотрудниками, с начальством потихоньку стирало грань настороженности. Сам же я присматривался к ним, пытаюсь понять, кто агент, хотя в мою задачу это не входило. Дни шли, я выполнял то, что от меня хотели увидеть, появляясь в «Метрономе» не каждый день, а по мере необходимости. Видя, что я не навязываюсь, отношение ко мне стало меняться. Мне удалось установить хорошие отношения с рядом ведущих сотрудников, и мы иногда заходили в бар, посидеть после работы. Грань была стерта. Все эти дни я много работал и мало спал, нужно было зарекомендовать себя.

В конце сентября, в один из вечеров, я сидел дома и просматривал газету, что делал регулярно, пробегая глазам газетные статьи и объявления. Мой взгляд замер, когда я увидел объявление для меня. Я понял, что мне оставлена информация. Это было важно, раз меня, таким образом, извещали и постарался себя отвлечь, продолжая просматривать газету, но понимал, что моему мозгу мысли покоя не дадут.

На другой день я извлек информацию из контейнера и дома расшифровал ее. В ней сообщалось, что по информации нашего агента в США, стало известно, что «крот» ФБР в Москве известил, что имеется утечка данных о планах правительства США по их действиям в Европе и Азии. В разработке материалов принимает участие и компания «Метроном», откуда возможно и произошла утечка. В этой компа-

нии работал наш агент, которого я не знал. ФБР активизировало свою деятельность и мне предстояло проверить, насколько велика опасность над агентом, проанализировать ситуацию и обеспечить его прикрытие.

Теперь становилось понятным решение Центра направить меня в Штаты. Моя информация была важна, но потенциально я должен был при необходимости обеспечить прикрытие нашего агента. Видимо агент дает ценную информацию. Я же был потенциально зарезервирован для решения оперативных вопросов, и ясное дело – не светиться.

Уже то, что свою основную функцию я выполнял, то если потребовалось мое вмешательство, значит больше некому.

Ну что же, надо начинать работу в этом направлении, что было сложно, так как я не знал, кто наш агент.

Ничего себе совпадение – подумал я. Я сжег записку. Как осуществить задание пока мыслей не было. Во всяком случае, отъезд Брукса в выходные, мог быть связан с этой утечкой. Он хоть и не имел прямого отношения к ЦРУ и ФБР, но видимо поддерживал отношения. Я попытался выстроить цепочку, приглашения меня в «Метроном» и утечкой информации. ФБР начало прощупывать всех, кто имеет отношение к проекту, по которому я и консультировал. Агент должен был иметь доступ к этой информации, иначе, откуда о ней узнал «крот», только из полученного донесения. Это может быть и рядовой сотрудник, через которого проходят документы, а может быть и более высокого уровня.

Моя тренированная память начала выхватывать документы, лица. В последнее время данных к сотрудникам поступало все меньше, но тот, кто передавал, владел ею. Я перебирал в памяти встречи, разговоры, совещания. Я стал понимать, почему мне позволили работать именно сейчас. Мое появление должно было отчасти внести смуту, спровоцировать. Никто же реально не знал кто я, а вдруг подставной, и меня привлекли для анализа их деятельности. Я был нужен как катализатор для ускорения выявления агента. Так вброс непонятного в работу, а самим посмотреть.

Прошло еще несколько дней, мой мозг работал на пределе не только по текущим делам, теперь я более внимательно, но осторожно присматривался к людям. В итоге я понял, кто мог быть агентом, и был, в общем, уверен. Это был не рядовой сотрудник. ФБР перекрыв частично доступ к информации, наблюдало за реакцией сотрудников. Они сжимали информационное поле, то вокруг одного, то вокруг другого.

Агент вел себя достойно, не паниковал, но на совещаниях его манера меня несколько насторожила. Для неопытного все могло пройти незамеченным. Он задавал вопросы, а если сотрудник на них не отвечал, ввиду отсутствия данных, то приходилось отвечать другому. В итоге он получал все. По должности ему положено все было знать, но его беда была в том, что он спрашивал по шаблону, задавал неожиданный вопрос и ждал ответа, смотря на реакцию.

Я не мог себе позволить недооценить опасность, которой

он себя подвергал.

После одного из совещаний я спросил Мура:

– Жесткая манера ставить человека в тупик. Не экзамен же сдают.

– Не обращайтесь внимания, сейчас все чуть на нервах.

– Всегда?

– Нет, видимо период такой, – уклончиво ответил Мур.

Значит, пора ему становиться прежним, – подумал я

Вечерами я обдумывал ситуацию. Сомнения и тревога сидели внутри. Я прорабатывал множество вариантов, отыскивая оптимальный, при этом я не знал, что думает и знает ФБР.

Принцип выявления агентов во всех разведках похож, отличие в деталях.

Первое. Производится сбор документов, по которым можно понять, что агент имеется. Определяется круг и обращается внимание на появление дополнительных денег; лишние вопросы; беспокойное поведение, подслушка, если необходимо; вынос документов, отклонения в поведении. Если три факта имеют место это повод для более пристального внимания. Второе – провокация. Подстава с документами. Здесь сложнее они сами готовили их.

Третье – «фильтр» или «сужение круга». Подозреваются все, кто может быть под подозрением, и круг начинает сужаться. Из всех вариантов, на основании того, что сотрудники стали ограничены в получении данных, ФБР видимо

выбрало «сужение круга».

Это мне напомнило «кольца анаконды». Это сравнение пришло ко мне по двум причинам. Впервые этот термин ввел генерал Джордж Мак-Клеллан, предлагая истощать противника, сужая вокруг него кольца, проводя удушение, истощая его, а второе, что анаконда не убивает жертву, ломая ей кости, она постепенно их сужает – удушая жертву. Вот ФБР и старается не делать резких движений, чтобы не сломать системы работы, а снижает поступление информации и присматривает за поведением сотрудников компании. У того, кто ведет двойную жизнь, нервы оголены и он может сорваться в мелочах, а почувствовав к себе внимание, попытаться связаться с Центром.

Значит для того чтобы ослабить хватку необходимо было дать ФБР что-то отвлекающее, преподнести, что информация могла уходить не обязательно из «Метронома», а значит размыть по иным источникам, где она могла всплыть. Надо сделать точечные удары, чтобы ослабить хватку, а иначе скандал. Если завтра весь мир узнает о новом высокопоставленном агенте русских, об их фиаско, шпионаже... Стоп! А вот это идея и ее надо обдумать. Рассудок, который неизменно брал вверх, давал отчет о возможных последствиях. Я сконцентрировал свое внимание на внезапновозникшей идее, и какой бы абсурдной она не была, я видел в ней смысл. Кто знает, что от меня ждали в Центре, но я не мог всего предусмотреть.

За вечер я выпил несколько чашек кофе. Цепочка выстраивалась в голове, и ее надо было предложить, а если со мной не согласятся, искать другой вариант. Нужна встреча, как бы это ни было опасно для меня.

На другой день я из телефона автомата позвонил по номеру экстренной связи. В таких звонках все должно быть просто, даже если телефон прослушивается. Меня поймут, а дальше сработает радиосвязь, которая должна быть. Передатчики в любой стране должны регистрироваться, но не в этом случае. Передача информации происходило очень быстро за 10-15 секунд. Ее предварительно записывали на магнитофон, а потом на большой скорости передавали в эфир. Запеленговать такую станцию невозможно. К тому же информацию обычно шифруют или кодируют. Код – это цифра или знак и могут обозначать слово, фразу, а шифр – один знак одна буква. Иногда кодируют, а затем код шифруют, тогда вообще не разобрать. Но это редко делается когда нужно обеспечить быструю передачу. И срочно.

Я был несколько удивлен, когда после нескольких гудков мне ответил женский голос:

– Слушаю.

– Могу я услышать Тима? Это Алекс.

– Мне очень жаль, но нет.

– Почему?

– Потому что здесь, таких нет, – услышал я сочувствующий голос.

– Извините, значит, я ошибся номером.

Никакого шифра с моей стороны не было, это был сигнал, что мне нужна встреча. Через пару дней я должен снова позвонить и получить ответ, и я его получил, позвонив, но на этот раз ответил мужской голос.

– Слушаю.

– Здравствуйте, я могу поговорить с Брюсом?

– Такого нет. Вы какую последнюю цифру набрали?

– Двойку.

– А надо тройку. Набирайте номер, который знаете точно.

И все. Значит, информация получена, и ответ для меня в тайнике под номером три. Ответ будет положен завтра, потому пока я не позвоню, тайник будет пуст.

На другой день я в туалете одного из магазинов вынул данные. Когда подъехал к дому, уже стало темнеть и, войдя в квартиру, я, задвинув шторы, достал записку. В шифровке сообщалось, что встреча будет в кафе, указывался район и время 14-00. Прибудет известный мне человек.

Теперь надо быть во много раз более внимательным. Причины были. Я никогда не расслаблялся и всегда привык проверять, нет ли хвоста. Слежку за собой я заметил уже на следующий день после начала сотрудничества с компанией «Метроном». Значит, ФБР начало активную проверку всех, кто имеет отношение к «Метроном», и, следовательно, они пока не знают кто агент. Они дали мне возможность войти, и смотрели, с кем я буду общаться, чтобы по возможности

смотреть на поведение сотрудников, да и за мной присмотреть нужно. Они выждали, сделали анализ, и пошли на контакт. Вот тогда и состоялась моя встреча с агентами ФБР около дома.

10

Я сидел в небольшом кафе в одном из районов Нью-Йорка, а именно Статен – Айленде. Этот большой остров был малонаселенным и сохранил еще одноэтажные здания. Здесь легче было увидеть, есть ли слежка. Через стекло я смотрел на морозящий дождь, который порывал асфальт, загоняя прохожих в укрытие. Дождь был мелким и не доставлял радости настроению. Народу в кафе было мало и я, заняв дальний столик, мог предаваться своим размышлениям. Время до встречи у меня еще было.

– Вам налить еще? – услышал я голос и, приподняв голову, увидел стоящую рядом официантку: миловидную женщину лет тридцати с каштановыми волосами и выразительными глазами. В руке она держала стеклянный кофейник. Посмотрев, что в моей чашке уже пусто, кивнул головой:

– Не помешает.

Она налила и произнесла: – В такую погоду хочется всегда чего-то теплого, что согреет. Судя по вам, тепла на душе не заметно.

– Я не сторонник ее разогревать, а то, как бы потом не пришлось тушить.

Она мило улыбнулась и ушла, а я, отпив из чашки, снова повернулся к окну.

Время шло. Не так много я мог себе позволить, чтобы его расходовать. Основная задача мне была ясна – обосноваться в США, сориентироваться. Это я выполнил. Теперь появилась еще одна задача. Майкл был прав, сказав, что моя спутница жизни – работа. А как могло быть иначе? Только работа могла показать, что я профессионал.

Допив кофе, и подойдя к стойке, я рассчитался и вышел. Дождь закончился, а время приближалось к встрече. Я хотел издалека посмотреть, кто придет на нее. Самого меня узнать было сложно. Когда после легкого грима я посмотрел на себя в зеркало, то на меня смотрел мужчина в кепке с коротко стриженными усами, на правой щеке у самого глаза, краснел след свежей царапины; ничто так не запоминается, как дефект на лице. Искусству гримироваться меня научили давно, и не раз применял его, опыт был, но важно было не перестараться. Самый минимум. Гримировался в гостиничном номере, сняв его на сутки. Гостиницу я выбрал маленькую, предварительно проверив, есть ли запасной выход, он был и выход на задний двор. Я открыл дверь, и, не проходя мимо администратора, оказался на улице. Сотовый телефон оставил дома, это только наивные полагают, что если его выключить, то не найдут. Найдут. Кому надо найдут, поэтому со мной не было никаких средств связи.

Я прошел два квартала мимо невзрачных домов и остано-

вился на углу дома, откуда мне хорошо был виден вход в кафе, где должна состояться встреча со связным.

Без пяти два, возле кафе остановилась машина, и из нее вышел мужчина, не осматриваясь, беспечно зашел в кафе. Я узнал его – это был Алексей. Разумно, он в последнее время и был моим связным инкогнито. Выждав еще несколько минут, и осмотрев улицу, я пересек ее и вошел в кафе. Алексей сидел за дальним столиком, но не у окна. Народ в кафе был.

Я прошел к барной стойке, взял виски и, повернувшись, посмотрел в зал, словно выбирая куда присесть, а потом со скучающим видом человека, которому хочется поговорить, направился к столику, за которым сидел Алексей.

– Разрешите?

Он посмотрел на меня и ответил: – Извините, но я хотел бы посидеть один.

Наш разговор за шумом музыки не был слышен и я, не спрашивая, сел напротив

– Понимаю, но одиночество только усиливает грусть, а собеседник позволяет от нее отвлечься. Воспользуйтесь таким шансом, попробуйте. Может быть, беседа со мной будет интересной.

Услышав голос, он лишь произнес: – Ну, да, а как могло быть иначе. Глупо чтобы ты был при своем лице. Я как-то не подумал.

– Лицо надо иметь, но ничего, кто-то из двоих должен думать. Сегодня это я, а ты отдыхай.

– Отдохнешь тут.

Под звуки блюза я спросил: – Ты здесь в качестве кого?

– В качестве торгового представителя, но под чужим именем. Прибыл на прямую, не было времени через третьи страны.

– Хвост есть?

– Я проверялся.

– Верю, но не доверяю никому в таких ситуациях. Никому и ничему.

– Тебе иначе и нельзя.

– Не будем затягивать время. Ты знаешь того, кому я должен помочь?

– Откуда!

– Тогда знаю я.

– Да ты что! Вычислил?

Я кивнул головой.

– Но это могут сделать и другие.

– Могут, но не все так просто. Если у них нет своего соглядатая, а такого если и не было, то должен появиться, узнать его трудно. Манеру знать. Опыт нужен. Им самим светиться – привлечь внимание, а явного у них ничего нет, только присматриваются. Сам понимаешь, что если ты не знаешь, то я не скажу.

– Меньше знаешь – лучше спишь.

– Верно, но продолжим. То, что я предлагаю можно считать авантюрой, а можно и считать высшим пилотажем.

И я объяснил ему суть операции, которую предлагаю Центру.

– Детали опускаю, – пояснил я в конце. – Их отработываю только при разрешении. Вмешиваться мне не надо. Сам буду только наблюдать.

– Не знаю, – потер Алексей переносицу, – согласиться ли руководство. Очень все нестандартно.

– Потому и более реально. Важно насколько ценен человек.

– Ценен, иначе меня не прислали бы.

– Тоже верно. И так, что мне требуется, так это согласие и точная информация. Когда я все подготовлю, дам знать, на время проведения операции никакой связи не будет. Я затишаю. Да, если будет согласие, то информация, что меня интересуется должна быть передана быстро. А того я предупрежу.

– Как?

– Не забивай голову. Не бойся, себя не подставлю, и не учите меня жить.

– Материально тебе тоже помогать не нужно.

– Это верно.

Алексей пил пиво. Отпив, он чуть задумался: – А может быть ты и прав; я, выслушав тебя, стал проникаться, что это может сработать.

– Знаешь, я назвал их действия «Кольца Анаконды», – и пояснил почему.

– А что, похоже. Силен ты на выдумки.

– А иначе не сидел бы здесь. Ты понял мое предложение, теперь тебе надо его донести. Ты давно приехал?

– Два дня назад.

– Когда уезжаешь?

– Завтра.

– Где был?

– Да нигде, в офисе был.

– Глупо. Ты должен был мотаться по городу, командировка краткосрочная, а значит, магазины никто не отменял. А ты вдруг сидел и поехал в другой конец, зная дорогу. Это привлекает внимание. Теряете вы хватку сидя в кабинетах. Ладно, будем проверять и, возможно, исправлять ошибки. Через три дня я начну проверять сигнал. Да и вообще могут быть иные предложения?

– Посмотрим.

– Сейчас я выхожу и иду вдоль улицы, ты выходишь и едешь за мной, через пару кварталов тормозишь, и я сажусь в машину, – не перебивай, сказал я, увидев его попытку. – Посмотрим, есть кто за тобой. В машине ни слова, могут записывать. Ты этот район знаешь?

– Знаю.

– Тогда покружишься, а потом въезжаешь в район одноэтажек, где я быстро выхожу. Понял?

– Понял.

Он не задавал лишних вопросов. Если его даже и спросят, кто это был с ним в машине, скажет что подвез соседа по

столику. И все, предъявить нечего.

Я допил виски и направился к выходу. Выйдя, свернул направо, чтобы не идти в сторону кафе, где был до встречи. Через пару кварталов рядом остановился Алексей, и я быстро сел на переднее сиденье. Едва он отъехал, я оглянулся. Было спокойно. Машины были, но, ни одна не привлекала внимания. Алексей знал, что нужно делать и начал кружить по улицам, и вот здесь я заметил слежку. Значит, все-таки хвост был. Я догадывался, что мог быть. Он въехал под чужой фамилией, ну даже если его не знали, кто он на самом деле, то перестраховались, слишком краткосрочная поездка у него.

Я моча указал ему назад, и он понял мой жест. После этого он поехал в район, куда я ему сказал. Когда он свернул на одну из улиц, я выпалил:

– Здесь.

Он остановился, и я быстро вышел из машины, направляясь к стоящему дому. Машина отъехала, набирая скорость. Когда я подошел к дому, то услышал, как останавливается машина и понял – это за мной. Они понимали, что предъявить водителю нечего и лишь проследят, куда он поедет, а куда он мог поехать, как не в офис. А вот я был интересен, так на всякий случай. По звуку шагов стало понятно, что преследователей двое, и они даже не пытались меня окликнуть, догадались. Их машина отправилась за машиной Алексея. Это плохо. Я ускорил шаг и вошел во двор, резко обо-

гнул дом и пошел не прямо, а свернул налево, так как если прямо, то следующий дом выходил на параллельную улицу, где ябуду на виду. Быстро перепрыгнул через небольшую изгородь из кустов и побежал. Хотя и был уже не так молод, но тренировки не пропали. Вступать в схватку я не собирался, парни могли оказаться тренированными не хуже меня, нельзя недооценивать противника. Я перелезал через заборы и услышал, что за мной бежит уже один, значит, второй побежал вдоль улицы, так быстрее и вскоре выйдет мне навстречу.

В одном из дворов я свернул во двор стоящий справа, ближе к параллельной улице. Забор там был выше и я, с разбегу ухватившись за верх, сделал на руках сальто, опустился на траву. И вот здесь меня ждала новая встреча. На меня смотрела большая овчарка. Она еще не успела залаять от неожиданности моего появления, но весь ее вид говорил, что намерения у нее не добрые и вот-вот сорвется на лай. Не знаю, можно считать это чудом, но это факт. Во мне проснулся какой-то звериный инстинкт самосохранения, и я, глядя ей в глаза, прошептал:

– Тихо. Молчи.

И она готовая броситься на меня и объявить всем о моем присутствии, не издала ни звука. Овчарка была на цепи, и позади нее метрах в трех я увидел большую будку. Подчиняясь одним инстинктам, отключая разум, я ринулся в нее и замер там. Собака подошла к будке. В это время сзади нее

снова раздался звук, она обернулась, и тут дала волю своей собачьей преданности хозяевам. Я услышал, чужой голос, вероятнее преследователя, и замер, чтобы ни малейшим шорохом не выдать себя:

– Тихо, тихо. Хорошая собачка.

Но она заливалась лаем, что привело во двор второго преследователя.

– Где он, – спросил, не обращая внимания на лай.

– Не знаю. Перемахнул через забор, словно атлет, мне же потребовалась лестница.

В это время я услышал третий голос: – Ну, что тут у вас?

Вот все и в сборе. Значит, они позвонили водителю, чтобы он прекратил слежку за Алексеем и выехал на параллельную улицу, чтобы видеть меня, если я выйду.

– Что, что! Исчез! – сообщил первый. – Перемахнул через забор и пропал.

– А в соседних дворах?

– Я шел наперехват, а ты был на улице.

– Тогда он мог также перемахнуть через забор справа, пойдя в обратном направлении.

– Умный да? Перемахнул, сделал несколько шагов и снова перемахнул, заодно и через собаку. Как забор с улицы?

– Там низкий, – ответил третий, – и я никого не видел. А ты был слева?

– Да, если бы он пошел в моем направлении, я бы его увидел.

Все это время собака заливалась лаем. Весь их разговор я слышал, не напрягая слух, да и говорили они, не тихо, чтобы перекричать лай. Я видел только ноги, они стояли так, чтобы она не могла их достать.

– Посмотрим в доме?

– И как будешь объясняться, если там кто есть?

В это время я услышал звук открываемой двери и мужской голос.

– Вы кто такие? Что здесь делаете? Я слышу, Лайма заливается, разбудила. А ну-ка давайте отсюда, а тосейчас спущу с цепи.

– Подождите, успокойтесь. Вот мои документы. Мы ищем одного мужчину, он заскочил в ваш двор.

– Тихо, Лайма, – сказал хозяин собаке, и та, замолчав, подошла к будке, и села, загородив меня. Ай, спасибо, мысленно поблагодарил я ее. Хозяин видимо посмотрел документы.

– Что вы хотите?

– Можно мы осмотрим ваш дом и двор?

– А дом что смотреть?

– Вы спали и могли не услышать, как кто-то вошел.

– Лайма сразу бы предупредила, но посмотрите, только в моем присутствии.

– Вы двое осмотрите двор и соседние дворы, а я в дом, – сказал второй. Снова раздался звук открываемой двери и водитель сказал: – Давай осматривать, ты правый, а я левый. Задний смотреть нет смысла, ты оттуда пришел, а левый он

мог и пропустить. Обойди вокруг дома, а я пока подожду здесь, а потом посмотрим сарайчик.

Оставшись один, он обратился к собаке: – Ну что? Видела кого? Покажи! И стал приближаться к ней. – Хорошая Лайма, – но та зарычала в ответ и встала, тот счел разумным отойти на безопасное расстояние.

– Никого нет, пошли.

Я услышал звук открываемой двери и вскоре голоса.

– Нет ничего. Сарай и сарай.

Лайма, видя, что хозяин не давал команды, тихо сидела и наблюдала за ними. Затем они пошли осматривать ближайшие дворы, хотя понимали, кто же их там будет ждать. Я продолжал сидеть. Вскоре все трое снова собрались здесь же.

– Испарился.

– Я в чудеса не верю. Либо он успел проскочить в другие дворы, либо нашел место в доме, где я не мог его увидеть, досконально проверять можно только с обыском, а я так, прошел по комнатам.

– Тогда пошли?

– А что еще остается, вы, если что, сообщите, – обратился главный к хозяину, который, как я понял, стоял в дверях.

– Сообщу, только откуда он возьмется, Лайма предупреждает обо всех чужаках.

– Ладно, пошли, – и я услышал удаляющиеся шаги.

– Молодец Лайма, – сказал хозяин, – вечером дам тебе кость, – и ушел.

Конечно молодец, – подумал я про себя, – чувствует опасность другого. Ждать когда хозяин принесет кость, мне не было смысла, у меня другой рацион, но и уходить сейчас нельзя. Наверное, есть во мне что-то собачье, – мелькнула мысль, – если она меня не выдала. Скорее всего, от бездомной и она мне посочувствовала. Скитаюсь по миру, своя конура частопуста, потомства нет, вот и пожалела.

Я просидел в конуре около двух часов. Когда вылез, Лайма подошла ко мне и обнюхала.

– Спасибо тебе, Лайма, – произнес я, и погладил ее по голове, на что она не высказала неудовольствия. – Хорошая ты защитница. Извини, что временно занял твой дом и отблагодарить тебя нечем, и прийти не смогу к тебе в гости. Пора мне.

Я снова погладил ее и пошел вокруг дома на улицу. Осторожно обогнув дом, я выглянул, перед домом было чисто. Пройдя несколько метров по улице, я осмотрел себя, отряхнул джинсы и побрел к перекрестку, до гостиницы добирался пешком, так как весь пропах собакой сидя в будке, а обращать на себя внимание таксиста запахом, в мои планы не входило.

Я снова пришел в ту гостиницу, вошел через черный ход, который после себя запер и поднялся в номер. Снял усы, умылся, снял царапину, принял душ, переоделся. Положил вещи в сумку и вышел, сдал ключи.

– Осторожно район не спокойный.

– Спасибо.

– Если придете поздно, звоните.

– Понял.

Возвращаться я не собирался, пусть думает что хочет, но возвращаться еще раз нельзя. Это уже система, а я хотел ее избежать. По дороге выбросил усы и прочие аксессуары, пропахшую одежду, чтобы не стирать. Не хватало, чтобы ее даже случайно увидели. Вдруг гости, да и Рита могла прийти.

На такси я приехал домой. Вся встреча с преследованием и отсидкой в собачей конуре заняла около шести часов. Уже стемнело. Дома я проверил телефон и увидел, что звонили Майкл и Рита.

Не буду звонить, Телефон разрядился, а я гулял.

Итак, что я имею после встречи? Сегодняшнее преследование увязывать с «Метрономом» не стоит. Алексей никоим образом, не имел к этой компании отношения. Это была случайность для меня, но вот от таких случайностей я и страховался, не зря гримировался, не зря. Ладно, эта тема закрыта, она лишь подтвердила, что расслабляться нельзя. Что касается операции, то через три дня начну ждать сигнала, а потом стоит продумывать детали. С виду моя задумка могла показаться простой, но хитросплетение ее комбинаций могло дать результаты. Моя обязанность в будущем состояла в том, чтобы организовать, а при необходимости направлять, не ставя под угрозу собственную безопасность. Да, и надо позвонить по телефону, сообщить, что я жив и невредим.

С этими выводами я прошел в душ, под струи прохладной воды, а когда вышел, то телефон уже надрывался.

– Ты куда пропал, – услышал я голос Риты.

– Я не могу пропасть, я могу только исчезнуть.

– Очень смешно.

– Телефон разрядился, а я гулял, вот сейчас поставил на зарядку. Давай поужинаем?

– Замаливаешь грехи?

– Я думаю это бесполезно, их у меня столько, что не хватает времени до конца жизни.

– Я догадывалась, что у тебя их много, тогда одним больше, одним меньше.

– Так как?

– Хорошо, заезжай, послушаю сказку от твоих грехов.

– И только?

– Там посмотрим.

Положив трубку, я посмотрел на себя в зеркало, переоделся и поехал на свидание. Вот и поразмышлял, но надо отдать должное Рите, она не была надоедливой, а сегодня пятница и впереди выходные, значит, все прочие действия надо планировать на будни, чтобы не отвлекали. С этой мыслью я сел в такси.

11

– Вы уверены, что правильно его поняли? – спросил высокий мужчина лет под шестьдесят, плотного телосложе-

ния, обратившись к более молодому, сидящему слева от него за столом для заседаний.

– Да, товарищ генерал, уверен.

После столь твердого ответа в кабинете наступила тишина. За столом, кроме генерала, сидело еще трое: молодой – это был Алексей, другой мужчина по возрасту был, как и хозяин кабинета, но ниже ростом, и еще худощавый мужчина лет пятидесяти. Генерал постучал пальцами по столу, затем поднялся и подошел к окну. На улице во всю светило солнце. Ясное блекло-голубое небо было редкостью в эти дни. Несмотря на солнце, тепла не было, и внизу по улице шли прохожие, одетые в пальто и куртки. Хозяин кабинета, посмотрев сверху на эту жизнь, там внизу, вернулся к столу и сел.

– Есть какие либо-либо предложения?

– Поверят ли в нее, – заметил плотный мужчина.

– Это замечание Николай Петрович? А мне нужны предложения. Давайте еще раз пройдем по кругу. Агент важен это ясно.

– Да, это была редкая удача. Информация, к которой он имеет доступ, поступает в верхние эшелоны, где на основании предложений принимаются решения.

– Это касается Европы и Ближнего Востока?

– Иногда и Северной Африки. Некоммерческая организация оказывает услуги крупным корпорациям по ведению бизнеса в этих регионах, а скрытно готовит предложения, де-

лает анализ для Белого Дома по экономическим и политическим вопросам.

– Насколько близко ФБР подобралось к агенту?

– Этого мы не знаем?

– А он?

– Он тоже.

– Надо знать. Счет может идти на часы, а не на дни.

Тем сидят грамотные специалисты.

– Разрешите, – обратился Алексей. – ФБР еще не наступает на пятки, иначе ZERO понял бы это. Он кстати дал их операции по выявлению нашего агента название «кольца анаконды».

– Почему?

– Они не знают, кого искать, поэтому применяют систему «сужения колец», потихоньку сужая круги вокруг подозреваемых, сужая вопросы, которые раньше поступали к ним для работы. Таким образом, они смогут понять, откуда идет утечка, из этой компании или все-таки из другого места, где ее могут обрабатывать. Вот и перекрывают кислород. Анаконда, змея, которая не ломает кости жертве, она сжимает кольца, удушая ее.

– Выдумщик он, но подметил точно.

– Он опытный сотрудник.

– Был бы не опытный давно бы сидел. Кстати, а он знает агента?

– Не должен, мы ему такой информации не давали, – от-

ветил Николай Петрович.

– Извините, но знает, – сказал Алексей.

– Откуда? Почему молчал? – вскинулся Николай Петрович.

– Я еще не успел доложить. Он его вычислил.

– Ну, вот, значит, это может сделать и ФБР.

– Все может быть, но не думаю. Он общается с теми, кого можно подозревать, а значит у него больше информации. ZERO предлагает временно приостановить деятельность агента, а потом изменить канал связи.

– Сколько он уже на нелегальной работе?

– Более двадцати лет.

– Давно, – философски заметил генерал. – Он уже и не знает, как мы здесь живем. Но слишком дорогое удовольствие терять такого сотрудника. Я даже не знаю о нем ничего, кроме того, что он есть. За столько лет ни разу не был дома.

– У него здесь никого нет, – ответил плотный, – сложно сказать, где у него дом, но знаю одно – Родина одна.

– Вернемся к операции. Все основывается на его опыте и знании ситуации. А вдруг не получится, и нарвемся на международный скандал, другого рода?

– Нам надо главное, не потерять ценного агента, а для этого все средства хороши. Подводим итог. Мне не очень по душе операция, учитывая ее последствия, но другого варианта я не вижу, а вы не предлагаете. Агенту временно при-

остановить деятельность. У вас налажена с ним связь?

– Редко мы обращаемся к нему, обычно информация идет от него. Не хотелось бы сообщать ему от нас, отсюда.

– Ну, раз наш супер сотрудник вычислил его, то пусть его и предупредит, но, не раскрывая себя. Нечего светить себя. Вы вычислили «крота» у нас? – обратился он на этот раз к худощавому.

– Да.

– Не трогайте его. Есть еще кто на примете?

– Как не быть. Разведка не дремлет.

– Важно чтобы наша контрразведка не дремала. Я доложу руководству, а дальше по цепочке пойдет. Решение сообщу. Через сколько он будет ждать ответ?

– Начнет просматривать сигнал через три дня, теперь уже через два.

– Вот нахал, – усмехнулся генерал, – он еще сроки нам ставит, но верно поступает, держит нас в рамках, чтобы не расслаблялись, ему же там работать. Время ждать не будет, как и ФБР. Все свободны.

Когда служащие вышли из кабинета, генерал сел за письменный стол, чуть задумался, прикрыв глаза, а затем поднял трубку телефона, где не было диска набора номеров. Услышав ответ, сказал:

– Прошу принять... Срочно... Иду.

Положив трубку, он встал, застегнул пиджак и направился к выходу из кабинета.

Через три дня я стал всматриваться в наличие сигнала. Через неделю, я увидел на одной из парковок голубой «форд», номер которого мне служил сигналом, что операция одобрена. Если бы был отказ, то машина была бы другая. Агент важен, что еще тут скажешь. Не думаю, что он сам пришел с предложением о сотрудничестве. Где-то когда-то прокололся и его завербовали, сыграв на законах, эмоциях, а может быть и наш, как я долгожитель, но вряд ли.

На другой день я извлек контейнер, где была нужная мне информация. Вечер я провел в разработке плана. Я почти никогда ни за кем не следил, не хотел и в этот раз, но возможно обстоятельства потребуют моего негласного присутствия.

Я зашифровал сообщение о последовательности операции. Я не знал, сколько уйдет времени на первый этап, он был самый продолжительный, и все зависело от агента, которому поручат ее исполнение. Дальше проще. На другой день заложил информацию в тайник, которую передадут резиденту, имеющего дипломатический статус. Так во всех разведках, а он уже позаботиться, кому поручить выполнение других стадий и сообщит мне.

Этим же вечером, высокий худощавый мужчина, вышел из машины и направился к подъезду дома. Когда он переходил тротуар, на него налетел прохожий, который так торо-

пился, что не успел увернуться и задел его плечом, отчего художавый чуть не выронил кейс, что нес в руке.

– Осторожнее!

Толкнувший обернулся. Длинные волосы почти до плеч, очки, кепка не позволяли увидеть его лица, да и вообще понять какого он возраста. Улица была хорошо освещена, хоть небо было уже темным.

– Извините, – произнес он мягким баритоном, – я очень тороплюсь. – А затем добавил шепотом: – Прекратите деятельность, началась охота. Не волнуйтесь.

И снова громко продолжил: – Извините, – и, повернувшись, быстро стал удаляться.

Высокий, посмотрел ему вслед, и ничего не ответив, да и кому спине, пошел к дому.

Пройдя до конца улицы, длинноволосый свернул направо и, пройдя еще до одного перекрестка, свернул еще раз направо и подошел к машине. Сев на место водителя – отъехал. По пути снял очки, кепку и парик, положив все в пакет, а затем это выбросил в ближайший мусорный бак. Покружив по улицам и не обнаружив слежки, поехал из этого района, но уже в качестве Жана Марше. Кому я мог поручить предупредить агента? Только себе.

12

Декабрь выдался промозглым. Минусовая температура сменялась плюсовой, и это непостоянство вносило свою леп-

ту в настроение. Наши отношения с Ритой, как-то стали ровнее, спокойнее. Причину никто не искал. Зачем? Это устраивало обоих. Она знала, что я убежденный холостяк, а я знал, во всяком случае, пока, что она тоже не ищет иных отношений. Они не намекала на что-то более серьезное. Может быть, ей действительно этого было не надо; материально она была обеспечена, у нее была дочь, а мужчину для встреч при ее внешности она могла найти без труда, но видимо не очень и стремилась. Абы кто ей не нужен, а долгосрочные отношения это сложно, особенно если мужчина женат. Я в этом случае был очень подходящий вариант. Мы не ссорились, потому, как не было у нас ничего общего в семейном плане, и если я был занят, то она это понимала. Дело превыше всего. В будни мы встречались редко, в воскресенье тоже – она проводила время с дочерью, оставались пятница или суббота.

В один из вечеров пятницы мы сидели во французском ресторане «Baltazar» на 80 SprigStreer, что в районе Сохо на Манхэттене. Ресторан был популярным и столик я заказал заранее, чтобы не краснеть перед дамой. Здесь подавали отличные морепродукты, шампанское, а заведение отличалось дружеской атмосферой и качественной едой, постоянным потоком в некотором роде порядочных людей. Народу в зале было уже много – рабочий день закончился, а потому было шумно и радостные лица, встречающихся здесь людей, создавали свою атмосферу. В конце зала висело большое зеркало, которое отражало палитру лиц. Квадратные

столбы, наполовину бежевые, как и стены, а наполовину темные с орнаментов в виде прямоугольника, подпирали потолок, разделяя ряды столиков, между которыми сновали официанты в больших белых передниках. Я заказал луковый суп (OnionSoupGratinee), также с ассорти из морепродуктов (PlateaudeFruitsdeMer) с моллюсками, краб под майонезом и лобстер.

Время было такое, что я задумывался над началом операции, которая должна идти. Все кто задействован, но их время еще не наступило, вели себя тихо, агент лег на дно, но информация должна была уходить, это делал другой агент-нелегал, который имел косвенный доступ. Это был Олби. Я его лично не видел, но надо было как-то познакомиться, где он бывает, я знал, потому и думал, как посмотреть на его действия.

Так вот мы сидели в кафе.

– Что-то не торопятся нас обслуживать? – заметила Рита.

– Мы сидим всего несколько минут. А вообще здесь мало кого интересует, что тебе нравится. Народу и так хватает, как и в Париже. Сначала ждешь, когда примут заказ, а потом когда принесут счет.

– Улыбнись! – попросила Рита.

– Грустный сажу?

– Скорее задумчивый. По дому скучаешь? Ты же во французском ресторане! Правда, в Сохо. Ты знаешь, почему район называется Сохо?

– Нет.

– Это сокращенное название от «**South of Houston Street**» – «к югу от Хаустон-стрит». Это название прижилось с 1968 года, тогда художники, желающие получить разрешение на легальное проживание, в своём заявлении указали границы проживания в районе.

– Все просто и гениально. У меня такого заявления нет. Где он мой дом? Но по Парижу да, скучаю. Скоро Рождество и мне нравится проводить его там.

– Всегда?

– Когда удается.

– Значит не всегда, – сделала она вывод. – Ты много ездил?

– Довелось посмотреть мир.

– И как он?

– Красивый.

– Тогда может быть на Рождество в Париж?

– Мне там сейчас делать нечего.

– На тебя действует погода: мерзкая, конечно, но не все так плохо. Перестань думать о работе.

– Почему ты решила, что я думаю о работе?

– Ну, не обо мне же! Мужчины, когда сидят с таким видом – решают проблемы. Ты холост, значит, семейных проблем у тебя нет, остается работа.

– Уговорила, характер мягкий, покладистый.

– Это у тебя!? – засмеялась она своим таким звонким сме-

хом. – Это ты с виду такой, впрочем, это плюс, а так твердый, но не жесткий.

– Может быть, я скрываюсь?

– Не-а. Я чувствую. В тебе есть тайна, что и притягивает. К тому же ты неплохо разбираешься в живописи, знаешь языки, много видел. У тебя должно быть много тайн.

– Почему?

– Человек, который много видел, а ты видел, – заявила она уверенно, – всегда оставляет что-то для себя, о чем не будет говорить ни с кем. Всегда есть поступки, события, которые не надо афишировать.

– Это плохо?

– Нет. Надо что-то оставлять для себя, нельзя жить, чтобы твою жизнь как книгу мог прочитать каждый, кому захочется. Нельзя жить нараспашку, так можно все страницы памяти замусолить.

– Надо чтобы всегда были в конце чистые, чтобы дописывать. Не хочу говорить о серьезном. Предлагаю сходить куда-нибудь, не сидеть же здесь.

– Предлагай, я подумаю.

– План такой: идем потанцевать, затем ко мне, а завтра после обеда на выставку. Фил пригласил, сам не светиться, но не без его помощи она проходит. Да и картины там его собственность. Художник модный.

– Полагаю, что модным он стал не без твоего участия.

– Мой вклад очень мал.

– Зато очень ценен.

Мы закончили ужин, и вышли изкафе. В пятницу вечером, улицы были полны народа, и нам не сразу удалось поймать такси. Остаток вечера мы провели в одном из клубов. Танцевать Рита умела, ну и я не оплошал, училиже, а потом сам. Ее тело притягивало. Во время танца, чуть отстранившись, я видел ее стройные ноги в чулках, она носила только чулки, что было сексуально, но это уже потом, тонкую талию, хорошую грудь, а также я видел ее веселые манящие глаза. Во время медленных танцев я в полной мере чувствовал ее гибкое тело.

Ко мне мы приехали после полуночи. Если Рита оставалась у меня, значит дочка у родителей. Танцы несколько возбудили нас, так что продолжение было желанным и ожидаемым.

Утром, когда мы сидели на кухне и пили кофе, который я всегда готовлю сам, не отдавая на откуп этот процесс никому, потому как не любил суррогат, а только вареный, аромат его заполнил кухню и улучшал настроение. Рита сидела напротив, и спросила:

– Извини, можешь не отвечать, но почему ты не женат?

– Интересный вопрос поутру. Не знаю, я не знаю, что отвечать. Так же можно спросить человека, почему он женат?

– Это проще. Люди женятся, когда хотят быть часто вместе. Проводить вместе вечера, выходные. Вместе ложиться спать и просыпаться...

– Вот и ответ, – перебил я ее. – Спать есть с кем, просыпаться не с кем.

– Да ну тебя, я серьезно.

– А где любовь?

– Наверное, это и есть любовь или хотябы ее составляющая.

– Тогда о чем ты думала, когда выходила замуж? Зачем развелась?

– Опыт жизни был маленьким. Думала, что навсегда, ошиблась.

– Теперь поумнела?

– Наверное, нет, хотя постарела, и опыта стало больше.

– Ждешь комплимент? Ты прекрасно выглядишь и возраст здесь ни при чем. Чем меньше ты о нем думаешь, тем лучше. Я вот чувствую себя лет на тридцать, не более. Молод, еще.

– Таким и останешься.

– Хотелось бы чуть повзрослеть.

– Еще успеешь, не торопись. С этой дороги еще никому не удавалось свернуть. Но ты не ответил на мой вопрос?

– Я же сказал, не знаю. Не получилось.

– А ты хотел?

– Наверное, нет.

Я не задумывался, хотел бы я иметь семью или нет. Иногда бывало грустно одинокими вечерами, но не забивал себе голову. Что думать о том, что в моем положении неосуше-

ствимо. Зачем подставлять близких. Есть пары нелегалы, но это осознанно, а вести двойную жизнь – сложно. Всего этого я не мог ей сказать.

– А любил?

– Наверное, да.

– Почему всегда, наверное?

– Потому, что этого уже нет. Если бы любил, то любил бы и сейчас, а если, наверное, то по прошествии времени понимал, что это была влюбленность.

– Сложно с тобой.

– Отчего?

– Слишком все разложено по полочкам, не остается места для небольшого хаоса и фантазии.

– Фантазии у меня хватает, сама знаешь, а хаос это ты можешь обеспечить себе сама.

– Если я когда-нибудь надумаю еще раз выйти замуж, то точно знаю, что не за тебя.

– Почему?

– В тебе живет тайна.

– Почему ты так решила?

– Женская интуиция.

– Тебе надо работать в ФБР.

– А вдруг я там и работаю?

– Ну, тогда, я не могу тебе ничем помочь, кроме как позвонить, присматривать за мной.

– Не обижайся.

– И не думаю.

После завтрака мы поехали по магазинам. Погода выдалась ясная, и настроение было замечательное. Около трех мы подъехали к зданию, там же на Манхэттене, где располагалось множество художественных залов, в одном из которых и была небольшая выставка. Фил был уже там и, увидев нас, пошел навстречу.

– Очень рад вас видеть обоих. Я еще вчера приехал, а сегодня подтянулись остальные.

– Вижу, – ответил я, заметив в глубине зала сенатора Брукса. Рядом с ним было двое мужчин. Его жену Дженнис, я увидел справа от себя; она разговаривала с женой Стива – Мартой.

– Пойдемте, я познакомлю вас с автором картин.

Он подвел нас к мужчине лет сорока, светловолосого, голубоглазого: – Познакомьтесь, это Мартин Редис, а это мои друзья – Жан и Рита.

– Как вам мои произведения?

– Можно добавить света, а так мне нравится.

– Когда много света, труднее прятаться, – услышал я за спиной голос Стива.

– Мне кажется, от вас и в темноте не спрячешься.

– А хотелось бы?

– Трата времени, найдете.

– Это верно, – засмеялся он. – Так может у меня на шоу, и спрячемся от умных мыслей?

– Чур, меня. Я человек скромный, мне публичность ни к чему.

– Чего боитесь?

– Славы. Боюсь, не выдержу ее тяжелого бремени.

– Да, эта ноша не для всех. Надо крепко стоять на ногах.

– Тебе не мешало бы иногда, и присесть, – заметил Фил.

В это время к нашей компании подошел Александр Брукс, в сопровождении мужчин.

– Здравствуйте, Рита, Жан. И вас вытащили?

– Что значит, вытащили? – делано обидчиво выпалил Фил. – Пригласили, это люди, понимающие прекрасное, а вот тебя действительно вытащили. Если бы не Дженнис, ты бы и не приехал, сидел бы за бумагами.

– Это точно. Познакомьтесь, – представил он нам своих спутников. – Это Алэн Кофман, мой помощник, а это его друг – Олби.

Я не задерживая дольше положенного для знакомства взгляд, закрепил их лица в памяти. По возрасту Кофману было лет тридцать пять, темные волосы, серые глаза, высокий широкоплечий, чуть смуглый, нос горбинкой. Олби был мне более интересен, я его видел впервые. Он и был исполнителем первого этапа моего сценария. Вот так и встретились – сценарист и исполнитель, с той лишь разницей, что я знал кто он на самом деле, а он обо мне нет.

Олби был среднего роста, возрастом, как Кофман, но более худощав, и не очень приметен, что было хорошо. Мы по-

здоровались.

В галерее было небольшое кафе, и наша компания переместилась в него. Женщины сели на диван и что-то принялись обсуждать, а мужчины расположились за длинным столом, на котором стояли бутылки с напитками.

– Я считаю, что выставка удалась, – обратился я к Филу.

– Спасибо, надеюсь, что мои вложения стоят того.

– Не прогадаешь, впрочем, как всегда, – подержал меня

Стив. – Что планируешь дальше?

– Часть картин повешу дома, а здесь будет частная лекция.

Пока мы сидели, к нам подходили знакомые Филя и художника. Фил знакомил меня с ними, сообщая, что идея принадлежит мне, а я с удовольствием знакомился, потому как становился вхож в круг, где информацию можно было получить из простого разговора, который иногда принимали за слухи.

Брукс, Кофман и Олби сидели справа от меня и вели свой разговор, точнее Кофман и Олби, Брукс, молча, слушал или делал вид.

– Нет, Алэн, что-то здесь не стыкуется, – произнес Олби.

– Все стыкуется, – возразил Кофман. – Надо подождать.

Нет полной информации, чтобы принимать решение.

– Информация о возможных инвестициях всегда завязана на политику государства в том или ином регионе. Акции могут резко отреагировать.

– Всему свое время.

Я понял, что Олби работает над поставленной задачей, проявляя повышенный интерес к вопросам, которые относились к ведомству сенатора, а значит, были нацелены на регионы, где интересы США и России могли пересекаться.

Брукс встал, направился к жене и что-то ей сказал, после чего она попрощалась с женщинами, он подошли к нам и, сообщив, что уходят, вышли. После ухода четы Бруксов, я выждал минут пятнадцать и вместе с Ритой попрощался с хозяевами, после чего мы также ушли. Проводив Риту на такси до дома, я вернулся в свою квартиру. Теперь я знал, что операция идет.

13

Около полудня из подземного гаража дома, где жили сотрудник русской миссии ООН, выехал «понтиак». Едва он чуть удалился от дома, от обочины в том же направлении отъехал «форд». «Понтиак» ехал по улицам, меняя направления, так что было сложно понять, куда он направляется.

– Не подъезжай близко, – сказал мужчина в «форде» водителю. – Он проверяется, значит, едет на встречу. Это Сергей Никифоров. Второй, – произнес он в рацию, – возьмите под наблюдение «понтиак», я отхожу.

«Форд» чуть притормозил и когда мимо проехал «олдсбониль», свернул в ближайшую улицу. «Понтиак» покружив по улицам, припарковался не далеко от железнодорожной

станции Jataisa. Из машины вышел мужчина и направился к станции. Спустившись на лифте на островную платформу, он прошел к информационному табло. Желтый кейс, что держал в руке, поставил на пол рядом с собой.

Вскоре подошла электричка, и пассажиры высыпали на платформу, устремляясь к выходу. Один из пассажиров подошел к информационному табло и остановился рядом с уже стоящим там мужчиной. В руке у него был такой же желтый кейс, который он поставил рядом с уже стоящим.

– Разделите часть средств. Часть отдайте Томасу, его группа будет на подхвате для финансирования вброса в прессу информации, когда потребуется. Часть для вас для работы в Вашингтоне.

– А если в Вашингтоне не получится?

– Не надо лезть напролом. Сами знаете, намекните, запишите разговор, это уже достаточно, раз такая тема о лояльности при принятии решений обсуждается.

Разговаривали они тихо, так что со стороны могло показаться, что каждый сам по себе. После этого тот, что пришел первым, подхватил «чужой» кейс и вошел в вагон подошедшей электрички. Другой, взяв, оставшийся кейс, направился к выходу.

Следом за ним направился человек, который до этого смотрел расписание на другой стороне платформы.

Выйдя на улицу, мужчина остановил такси, и когда оно отъехало от станции, следом направилась машина, в кото-

рую сел тот, кто вышел следом за ним со станции.

– Разговор записали?

– Да.

– Куда делся Никифоров?

– Сел в поезд. Они обменялись кейсами. А это кто?

– Этот нам знаком. Это Олби Крафт из Вашингтона, нам передали о нем информацию, что он выехал в Нью-Йорк.

Разговор происходил в машине, что следовала за такси, и вели ее сотрудники ФБР. Такси остановилось на Манхэттене около не большого отеля, Олби вошел в отель, а машина, с сотрудниками проехав мимо, припарковалась у обочины.

– Пришли кого-либо проверить в отель, надолго ли остановился Олби, – сказал сотрудник в рацию и назвал отель и улицу. – Мы пока здесь, подождем.

Вскоре на смену прибыла другая машина.

Олби вышел из отеля около шести часов вечера. Кейс был в его руке, он прошел до остановки и сел в первый же подошедший автобус. Машина слежения двинулась за ним. Через две остановки, Олби вышел и спустился в метро, агент слежения, выйдя из машины, направился также в метро.

Олби спустившись в метро, прошел через турникет и вышел на платформу. Он не делал никаких попыток сесть в поезд, не делал попыток в последний момент, когда закрываются двери заскочить в вагон, он просто стоял. За это время прошло несколько поездов и можно было заметить, остался ли кто на платформе, с того момента, как он во-

шел. Он делал вид, что кого-то ждет, всматриваясь в пассажиров, выходящих из вагонов. Постояв немного, он взглянул на часы, и словно не дождавшись, быстро направился к другому выходу из метро.

Агент, спустившийся за Олби, сообщил:

– Он постоял на платформе, пропустив несколько поездов, и направился к другому выходу.

– Поехали к другому выходу, – велел сотрудник водителю. Когда машина, чуть проехав, остановилась, то они увидели, поднимающегося мужчину с желтым кейсом в руках: – Вон он, остановился, осматривается.

Вышедший из метро сотрудник, пройдя мимо Олби, пошел дальше и сел в машину.

– Он проверяется, это точно.

– За ним пойдет другая машина.

Дальнейшие передвижения наблюдаемого не укладывались в логическую схему. Он шел пешком, садился в автобус, мог поехать в обратном направлении. Логики не было, если не знать, что есть смысл в проверке, нет ли слежки. Так он кружил по городу около часа, иногда заходя в магазины. В конечном итоге он зашел в одно из старинных кафе Фэнелли, что на Принц-стрит. Когда-то это кафе было знаменитым, но времена сменились, сменились вкусы посетителей, но кафе еще пользовалось популярностью.

Войдя в кафе, он окинул взглядом зал и направился к одному из столиков, за которым сидел смуглый мужчина, воло-

сы которого были черные и приглаженные, словно смазаны. Обли подойдя, приветствовал сидящего и сел, а тот:

– Принес?

– Принес.

– Показывай.

Мужчина, вошедший следом за Олби, прошел к барной стойке и, взяв кофе, чуть обернулся, оглядывая зал. Его интересовал лишь один столик. Со своего места он увидел, как Олби поднял кейс, что поставил у ног, и, положив его на стол, открыл. Делал он это несколько демонстративно. Кейс был почти весь забит бумагами, папками. Достав верхние, он положил их перед смуглым.

– Вот, Томас, посмотри. Это прайс-лист. Что касается самой продукции, то ее характеристики здесь, в кейсе, для ознакомления. Посмотри, оцени и скажи свое мнение, стоит нам с этим связываться. Сам понимаешь, работа ради работы не нужна.

Томас взял бумаги просмотрел их. Они вели себя так, как на обычной деловой встрече.

– Ладно, оставь, посмотрю.

– Хорошо.

– Ты мне и кейсоставь.

– Это зачем, – делано удивился Олби.

– А я что все бумаги под мышкой понесу? Или ты мне только эти листочки отдаешь, – кивнул он на листки, лежащие на столе.

– Я не подумал, но вернешь.

– Нужен он мне.

Олби передал кейс Томасу и тот положил в него бумаги со стола. Сотрудник ФБР, допив кофе, вышел на улицу, чуть отойдя, сообщил по телефону.

– Кейс переда.

– Хорошо, уходи. Мы их поведем дальше сами.

Минут через пять из кафе вышел Олби, и, осмотревшись, спокойной, гуляющей походкой праздного зеваки, направился вдоль улицы. Следом за ним пошел агент. Еще минут через пять из кафе вышел Томас с желтым кейсом и также не спеша пошел вдоль улицы. Пройдя метров сто, он подошел к машине и, открыв ее, положил кейс на сиденье, а затем нагнулся, как будто у него развязался шнурок на ботинке, а сам бросил взгляд вдоль улицы, после чего сел в машину и отъехал. За ним следом направилась машина слежения. Сидящий рядом с водителем запросил данные на владельца машины, за которой они ехали.

– Это Томас Круз – агент посредник. Живет в Бронксе, судя по направлению, едет домой.

Этот день закончился спокойно. Наружка сообщила, что Олби заехал в отель, а потом отправился на вокзал, откуда отбыл в Вашингтон. При нем был портфель. В Вашингтоне получили информацию о его поездке и должны были встретить, а в вагоне ехал сотрудник наблюдения.

Томас приехал домой и больше в этот день никуда не вы-

езжал.

На другой день, он вышел из дома и на машине отправился на Манхэттен, где остановился в районе Центрального парка. Было около двух часов дня. Там он бродил по аллеям, а затем сев на скамейку достал из нее пакет, а из него бутерброд и бутылку воды, порой оглядывая окрестности. Перекусив, он пошел дальше. Подойдя к замку Бельведер, что рядом с Черепашьим прудом, он как будто затерялся в зарослях, коих множество вокруг замка, а сам сунул в еле заметную трещину, что у основания стены пакет, и чуть присыпал. Выйдя на тропинку, он позвонил и направился к выходу из парка.

Примерно минут через тридцать с видом туристов к замку подошел мужчина и, пройдя тем же путем, достал из тайника пакет и сунул его в сумку.

Ни Томас, ни забравший пакет не видели, что издали за ними наблюдает три пары глаз. Внимание сначала было приковано к Томасу. Когда он ушел, то к замку подошли двое. Один остался на тропинке, а другой, пройдя в заросли, вышел оттуда через минуту, кивнув головой ожидающему, и они пошли дальше к месту наблюдения, откуда они могли видеть, кто придет за пакетом. Когда пакет был изъят, то один из них сообщил по телефону:

– Пакет изъят. Ориентир мужчина в темно-синей куртке, черные джинсы, без головного убора, с черной сумкой, на которой темно-синяя полоса.

Услышав ответ, сообщил напарнику:

– Идем за ним.

Никто из участников этой операции не видели, что за ними наблюдает некий старик, что сидел вдали на скамейке. Во всяком случае, пристального внимания на него не обратили. Когда появился Томас, старик лишь чуть повернул голову в его сторону. Очки с дымчатыми стеклами не позволяли видеть, куда направлен его взгляд. Когда двое проверяли содержание тайника, он улыбнулся себе в усы, а когда забрали пакет, он поднялся и направился не спеша к выходу. Вскоре его обогнал мужчина с черной сумкой, вдоль которой была темно-синяя полоса, а чуть позже двое мужчин, которые что-то обсуждая и торопясь, заделали старика. Извинившись, они направились дальше. Старик лишь кивнул головой, принимая их извинения.

Забравший пакет, направился к восточному выходу из Центрального парка и, пройдя на пересечение 92-ой улицы и 3-ей авеню, зашел в кафетерий «Старбаркс». Там он поздоровался с барменом и, взяв кофе в бумажном стаканчике, разместился за одним из столиков. Открыв сумку, он достал лэптоп и подключился к интернету. Его пальцы забегали по клавиатуре, а потом он, нажав клавишу, откинулся на спинку стула с чувством выполненного долга. За его действиями наблюдали двое мужчин, что пили кофе. Когда он работал на лэптопе, мимо проезжала машина с дипломатическими номерами русских.

Ближе к вечеру к сидящему мужчине присоединились еще двое.

14

– И так, что мы имеем? – сказал седовласый большелобый мужчина, посмотрев на сидящих в кабинете сотрудников. – Финансирование русскими операции по подходу к сенатору. Не известно одна это группа или действуют они разрозненно. Олби Крафт пытается заинтересовать окружение сенатора Брукса, чтобы иметь некий доступ к информации, которую он кстати в разговорах со служащими не факт, что не получает, народ у нас разговорчивый, высказывая проявление лояльности к действиям русских на Ближнем Востоке. Что уже ему известно, не знаем мы. Но им занимаются там в Вашингтоне. Далее, кто те остальные?

– Тот, что закладывал деньги в тайник – Томас, мелкий делец. Тот, что вынимал деньги – Мерфи, занимается сдачей квартир в аренду, двое других Николай Вирланд и Виктор Усман – выходцы из России, занимаются продажей подержанных автомобилей. Они присоединились к Томасу в кафе «Старбакс, на 92 улице, чуть позже, после того, как нам удалось перехватить его информацию с ноутбука, которую считали с проезжающей мимо дипломатической машины русских. Он сообщил, что все готовы, средства получены.

– Что есть на них?

– Ничего, что связано со шпионажем, хотя ясно, что они на службе и нелегалы. Их видимая деятельность позволяет много ездить, и возможно выполняют мелкие поручения.

– Предположим, что это одна цепочка, – продолжил седоволосый. – Олби пытается, как я уже упоминал, подкупить окружение сенатора. Не открыто, но так, что будет благодарность за лояльность в выработке решений. Если бы это ему удалось, то остальные остаются в тени. Стоп. Вы говорили, что им передали деньги для финансирования статей в газете?

– Именно так. Мы предполагаем, что русские подбираются в верхний эшелон. Если не удастся, вероятнее всего у них есть, пусть не явный, но повод для компрометирования, что они и предложат прессе. А там отмывайся.

– Зачем им это? А если Олби удалось бы?

– Не знаем, тогда вероятно все осталось бы по-прежнему.

– Скандал в верхах, – задумчиво произнес седой, – на случай неудачи. Тайник выявлен. При закладе и выемке было что подозрительное?

– По отчету ничего. В отчете указано, что все проходило спокойно. Время было выбрано так, что народу в парке мало. На момент закладки никто рядом не находился. Вдали сидел старик и читал газету, кормил белку.

– Какой старик?

– Обычный, каких много бывает в парке, надо полагать.

– Проверили?

– Нет.

Седой медленно переводил взгляд с одного сотрудника на другого и тихо, но жестко произнес:

– Идиоты. Если бы там было скопление народа, и то надо присматривать, но когда один. Где агенты, что были в парке?

– Ждут на всякий случай.

– Позовите.

Один из сотрудников встал, вышел, и вернулся с еще двумя мужчинами.

– Как выглядел старик, что был в парке?

– Мы близко к нему неподходили. Лет шестидесяти, усы, бейсболка, дымчатые очки.

– Он все время был там?

– Да, а потом пошел к западному выходу.

– Почему знаете?

– Мы его догнали, когда шли за Мерфи.

– То есть, он пошел из парка, сразу как произошла выемка, практически вместе с вами?

– Чуть раньше, мы его обогнали.

– Когда вы пришли он уже был там?

– Да.

– Сколько времени ушло на операцию?

– В парке около двух часов, на закладку и выемку около сорока минут.

Седой вздохнул: – Вам движение регулировать, а не в наружке работать. Идите, – махнул он рукой.

Когда агенты вышли, он обратился к присутствующим: – Ну и что? Получили? Время не жаркое, старик читает газету, кормит белку, которые, там и так зажрались, почти час. Я не спрашиваю, в чем он был одет, обут – пустой вопрос. Да... Вот он и был основным, в роли контролера, который все видел. Во всяком случае, это очень вероятно. Надо было вызвать, кого-либо еще, наблюдающих он видел, чтобы подошел посторонний, поговорил с ним, посмотрел на него, я уж не говорю о том, чтобы проследить. Хотя, – произнес он обреченно, – он наверняка профессионали простого сотрудника расколет и обманет, а слежку сбросит. Теперь русские знают, что их агенты засвечены.

Он помолчал, никто не решился нарушить тишину кабинета.

– Арестовать всех пятерых. Начнете одновременно. В Вашингтон я сообщу.

– Что предъявим?

– Что угодно! Подключите налоговое управление. Есть операция с деньгами, происхождение которых сомнительно, а значит, не задекларированы. Их надо изолировать пока не натворили шума. Что я вам курсы здесь читать буду? Дальше будем думать, что делать, но возможно, что придется самим поднять шум в прессе. Свободны. Выполняйте.

Я сидел дома, шторы были раздвинуты и я видел, как за окном тихо падал снег, украшая деревья тонким слоем бриллиантов. Настроение было замечательное. Еще бы, шумиха, поднятая в газетах, не могла меня не радовать. Случилось то, что я и хотел. Возможно, кому то покажется, что так бывает только в кино, но жизнь иногда подбрасывает ситуации, которые могут показаться нереальными. Моя задумка при всей ее кажущейся авантюристкой была реальной. Я отвел удар от агента, сохранив его инкогнито. В Центре примут меры, и информация от него будет поступать, только круг посвященных сузиться.

Случайностей в произошедших событиях не было. Мой план лежал на поверхности, важно было исполнение ролей, при этом об истинном сценарии знали единицы, не знали даже исполнители.

Групп, что арестовали – была бездеятельна, пассивна. Они не нанесли урона США, а значит, в отношении к ним не будет применяться строгих мер. Это я учитывал, о подборе таких и просил.

Что, в сущности, произошло?

Надо было отвлечь внимание ФБР более серьезным, значимым фактом. И сценарий был разработан: Кофман, близкий друг сенатора Брукса имел деловые контакты с Олби. Олби имел доступ к различной информации, в том числе и той, которая поступала от «Метронома», а значит, утеч-

ка могла быть, откуда угодно. Пока печатают различные документы, согласовывают, то ее видят десятки; важно в каком секторе она крутится. Олби поддерживал отношения с сотрудником ООН – нелегалом. Вот Олби и дали указание активизировать свою деятельность в развитии отношений с Кофманом, а через него пытаться выйти сенатора, что не могло не заметить ФБР, которое уже присматривало за Олби. Его активность должна была убедить, или хотя бы намекнуть, что он ценный агент.

Олби встречается с сотрудником ООН и получает от него деньги. Обмен портфелями происходит людном месте, чтобы ФБР было удобно наблюдать: нет подворотен, легко прослушать. Обмен состоялся и агенты разошлись. Олби сообщили, что часть средств надо передать через известное лицо, на самый верх, а часть сотрудникам, которые указаны в записке в портфеле для их деятельности. Они будут помогать ему.

Олби, начинает кружиться по городу и встречается с Томасом, передав ему часть денег, а ФБР уже фиксирует трех агентов. Томас кладет деньги в тайник, откуда их забирает Мерфи. Засвечено уже три нелегала. Мерфи сидит в кафе за ноутбуком, проезжающая мимо машина считывает информацию у него. Таким образом, засвечен Мэрфи, а затем еще двое. Это был принцип «домино», когда за одним агентом засвечиваются и другие.

ФБР в итоге получило информацию о цепочке нелегалов,

но предъявить им особо нечего. Они не могли дать полезной информации для ФБР. Обвинения в шпионаже не выдерживали критики, так ни один из них не имел доступа к секретной информации. Все обвинение строилось на том, что они по законодательству США имеют статус «иностранных агентов», что они не сообщили, и обвинили их лишь в отмывании денег.

Мне было жаль ребят, что их сдали, но это была их работа, их риск. Они неплохо жили в США, не особо напрягаясь, а за удовольствие надо платить. Но им ничего не грозило.

Главная задача в этой операции была другая – дать понять Белому Дому, что русские ищут выход на близкое окружение Президента. ФБР начнет проверку сенатора, всех его контактов. «Засветка» – отвлекающий якобы маневр. Опасность для Белого Дома была в том, что раз есть выход, то нет гарантий, что окружение может оказаться лояльно к русским при решении вопросов, которые интересны США, но не интересны России. Если это просочится в прессу – большой скандал, и как следствие потеря голосов на выборах, снижение рейтинга Президента. Он что не знает, кто с ним работает? Этого допустить было нельзя, и сделать так, чтобы тихо замолчать вопрос, но взять цепочку агентов-нелегалов. Это беспрецедентный шаг – международный скандал; надо было соблюсти лицо, а иначе все может всплыть об окружении, даже если там ничего и нет, но факт попытки говорит о многом, о возможности. Хранить молчание – подобно призна-

нию. На это и была сделана ставка, и они решились.

Агентов арестовали, газеты шумели о раскрытии целой сети русских шпионов, что и требовалось.

Газетные публикации обсуждались на дне рождения Стива, когда он пригласил меня с Ритой в Вашингтон. Отмечал он его в кругу своих хороших знакомых, к которым видимо, отнес и меня. Мы приехали накануне поездом, забронировав отель. По дороге, в поезде, когда Рита наблюдала за пейзажем, я мог предаваться размышлениям. Я нахожусь в США уже почти год, и много событий произошло. Компания, что мы создали с Майклом, расширилась. Майкл занимался уже почти чисто административной работой, а я же продолжал работать с заказчиками, но в основном с теми, кто представлял интерес. Доходы увеличились, но ничего менять я не хотел, ни квартиру, ни машину покупать, зато стал чаще бывать в Вашингтоне.

На другой день по приезде в Вашингтон, к назначенному времени мы подъехали к дому, где Стив занимал студию на верхнем этаже. Едва мы вошли, нам навстречу устремился Стив. Его жена Марта тут же увлекла Риту к кругу женщин. Приглашенных было человек тридцать, но знакомых было мало. Стив начал водить меня от одной группы к другой, представляя.

– Знакомьтесь – Жан Марше, бизнесмен, знаток живописи, отличный стрелок, так что на дуэль советую не вызывать. Сам видел.

– Он что кого-то уже убил?

– Многих, но только своим умом, умением думать. Знаете, я даже начинаю его побаиваться.

– Неужели Европа нам угрожает?

– Надеюсь, что нет, пока только предупреждает в его лице.

Разговор он вел в привычной для него манере.

Общего стола не было, и именинника поздравляли желающие, выходя к микрофону. В конце концов, я разместился на одном из диванов, машинально отмечая, кто из присутствующих может представлять интерес. Немного погодя ко мне подошли двое: маленький, полноватый мужчина, редактор одной из вашингтонских газет и среднего роста светловолосый мужчина, лет сорока, с горбинкой на носу. Они присев рядом продолжили начатый ранее разговор.

– Нет, эти русские совсем обнаглели. Засылают к нам шпионов пачками. Шпионы были всегда, но чтобы так массово их брать? А вы что думаете, Жан? – обратился ко мне полноватый.

– Ничего, – ответил я, улыбаясь, – они же к вам засылают.

– Уж, не думаете же вы, что их нет у вас?

– Не думаю, но у меня другие интересы в жизни.

– Но это вопиющий факт, скоро начнем подозревать всех новых знакомых.

– Билл, – обратился к нему его собеседник, – шпион может оказаться и среди тех с кем ты учился в школе. У тебя в газете что воровать? Какие секреты для русских?

– При чем тут я! Ладно хоть ФБР отреагировало, взяло всех.

– Всех!?

– Ну, тех про кого мы узнали.

– Так и скажи, тех про кого нам дали возможность узнать.

А вообще вы журналисты подняли шум. Для чего?

– Чтобы показать населению, что происходит. Это же скандал.

– Билл, когда скандал на уровне государства – значит это кому-то нужно. Как-то все искусственно, надумано выглядит.

– Согласен, – не стал возражать Билл. – Сам так думаю. Мы серьезно занимались этой темой, и выяснилось, что привлечь этих шпионов особо и не за что было. Ясно, что об этом мы не могли писать, они пустышки, так мелкие прегрешения перед законом, и то в не области шпионажа. Ладно, хоть пригодились для обмена на наших парней в России. Они пешки в большой игре политиков. Что думаете, Жан? Ах, вы же не думаете!

– Ну, почему же, я думаю, но о других вещах. Я не вмешиваюсь во внутренние дела государства, в котором работаю.

– А у себя?

– Тоже.

– Вы аполитичны.

– Не совсем так, но сотрясать воздух словами не хочу.

– А выпускать пар негодования?

– Я его не коплю, чтобы потом стравливать в свисток, как паровоза, у которого КПД – 4%.

К нам подошли еще несколько человек и прислушивались к беседе, на мою последнюю фразу раздался смех.

– Ну, вот видишь, Билл, что молвит представитель Европы.

– Да что вы меня учите! Я же знаю, что через неделю, после того как нам дали эту сенсацию, она уже не представляет интереса. Есть факт ареста, обмен. Только дыры какие-то большие во всем этом. Ладно, эта тема в прошлом.

Я поднялся и пошел по залу, отыскивая глазами Риту. Она стояла с четой Бруксов и Моррисонов, я подошел к ним и поздоровался.

– Что газеты обсуждают шпионский скандал? – спросил Фил.

– Это их работа. Если не будет скандалов им надо закрываться.

– Это верно. А вы, Жан, как относитесь к шпионам?

– Я к ним никак не отношусь, – пошутил я.

– Но остаетесь человеком, который много знает.

– Это, к счастью, не запрещено, ни одним законодательством в мире.

– Как ваши успехи? – вступил в разговор Брукс.

– Спасибо, все хорошо, вы же не ждали другого ответа?

– Не ждал, – ухмыльнулся он. – А все эти разговоры, скандалы, обычная рутина спецслужб. Вы наверно и это знаете?

– Могу только догадываться.

Я понимал, что остаюсь в поле его зрения, и помнил об этом. Далее, по требованию женщин, разговор перешел на темы, не имеющие отношения, ни к политике, ни к делам. Около десяти мы попрощались с хозяевами и уехали в гостиницу. Утром вернулись в Нью-Йорк.

Задачу свою я выполнил.

Всех пятерых, как и говорили на дне рождения, потом обменяли на агентов ЦРУ в Москве. Стороны остались при своих интересах и все потихоньку успокоилось. Не знали только в ФБР того, что это не их операция против русских, а операция русских против ФБР.

Что касается меня, то мне оставалось работать до получения нового задания, выполняя прежнее по сбору информации и расширению круга знакомых. Хотя кто знает, через какое-то время я могу вернуться в Европу, в свой привычный мир, но я и сам не знал, какой он для меня.

На сегодня все было сделано. Кольца разжались.

Я улыбнулся сам себе и произнес вслух:

– Вот так вот.

(фото Горюнов Ю.)